

ЭКСПАНСИЯ

Роман
ЗЛОТНИКОВ

БЕРСЕРКИ
[БОЙЦЫ С ОКРАИНЫ ГАЛАКТИКИ]

Берсерки

Роман ЗЛОТНИКОВ

Бойцы с окраины галактики

«Автор»

Злотников Р. В.

Бойцы с окраины галактики / Р. В. Злотников — «Автор»,
— (Берсерки)

ISBN 978-5-17-074212-7

Поражение канскебронов, первое в истории их масштабной космической экспансии, дало Земле надежду на то, что этому страшному врагу можно противостоять. Но берсерки – люди, наделенные даром видеть рисунок событий и делать правильный выбор, – понимают, что война с канскебронами не окончена и следующее столкновение с армией киборгов и контролеров внеземной цивилизации приведет к уничтожению непокорной планеты. Земле нужен космический флот, а для начала – специалисты, способные его создать. Так на одной из провинций галактической империи, пусть и уступающей в силе Единению, но намного опередившей Землю в научно-техническом развитии, появляются трое «окраинных варваров»: Олег по кличке Берс, Энтони и Млокен-Стив. Все трое зачислены курсантами в Танакийскую его императорского величества высшую школу пилотов...

ISBN 978-5-17-074212-7

© Злотников Р. В.

© Автор

Содержание

Пролог	5
Часть I	11
1	11
2	18
3	24
4	30
5	36
6	43
7	50
8	56
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Роман Злотников

Бойцы с окраины Галактики

Пролог

Император Эоней не любил этот кабинет. Он был слишком огромен, помпезен и холодно-неуютен. К тому же во время похорон отца юному императору пришлось провести в нем две не очень приятные ночи, и, видимо, его подсознание до сих пор связывало это место с теми тягостными и утомительными часами, но уже без того странного ощущения всевластности и величия, которое поддерживало его все долгие недели траурных церемоний и еще около недели после коронации. А потом исчезло без следа. Однако в Садах Эоны, которые разбил его отец почти сорок лет назад в честь свадьбы со своей последней, самой любимой женой, спустя десять лет после столь знаменательного события ставшей матерью Эонея, больше не было помещения, где император мог бы уединиться, не бросая вызов традициям и дворцовому протоколу. И главное, чтобы оно было столь же защищено от посторонних глаз и ушей. Так что приходилось довольствоваться тем, что имелось. К тому же он уже давно научился мелким уловкам, которые не давали вызывающему великолепию кабинета слишком уж портить ему настроение. Тем более что сейчас на это не было времени.

Император слегка поджал губы и бросил взгляд на собеседника, который сидел с противоположной стороны роскошного стола размером с королевскую кровать, вырубленного из цельного кристалла сапфира. Тот был высок, массивен, роскошный придворный мундир сидел на нем как влитой, а лицо являло миру великолепно сбалансированную смесь преданности, почтительного внимания и служебного рвения. Но император не принадлежал к числу людей, которые восприняли бы это выражение лица слишком уж всерьез. Лорд-директор департамента стратегических исследований был одним из двух человек, чье слово на протяжении трех лет, прошедших с момента коронации, весило даже несколько больше, чем слово двадцатисемилетнего императора. Эоней исподтишка бросил взгляд на лорда Эйзела, уж тот-то не позволит себе отвлекаться на тени прошлого. Насколько император помнил, Эйзел был младшим сыном лорда Эттерея-Эстора, главы боковой линии ветви Эттереев, основным достоянием которых была безупречная родословная. Так сказать чистая, незамутненная голубая кровь. Он начал службу семьдесят два года назад, еще при отце Эонея, в чине приципа-оруженосца, а в должности лорда-директора пребывал уже двадцать восемь лет. Смешно было сомневаться в том, что за свою долгую жизнь он успел повидать целую кучу намного менее удобных помещений. Так что у лорда Эйзела должен был бы давно выработаться иммунитет. Тем более что у императора были все основания считать, что этот кабинет он посещал намного чаще, чем сам Эоней. Император тихонько вздохнул и, сделав усилие, вновь сосредоточился на том, что излагал ему лорд-директор спокойным, размеренным голосом, так не соответствующим содержанию его речи:

– ...Все вышеизложенное позволяет утверждать, что на территории империи действует разведывательная сеть такого уровня, который обеспечивает противнику доступ к информации особой важности. Отсюда следует, что, несмотря на все мои усилия, результаты деятельности моего департамента позволяют вам, сир, квалифицировать их в соответствии с разделом пятым статьи второй Имперского уложения о принципах лояльности трону, а посему я вынужден покорнейше просить ваше величество принять мою отставку и назначить комиссию сената для расследования уровня моей некомпетентности. – Лорд Эйзел замолчал и отработанным многолетней практикой, тщательно выверенным жестом склонил седую голову. Жесткий стоячий воротник придворного мундира, сплошь покрытый золотым шитьем, врезался в шею и подбородок.

Император несколько мгновений молча смотрел на крупные завитки седых волос, плотно покрывавшие макушку склоненной головы, не давая лысине ни малейшего шанса, потом искривил губы в усмешке:

– Перестаньте, Эйзел. На протяжении всех недолгих лет моего правления вы столь подчеркнуто соблюдали этикет, что я уже успел выработать иммунитет. Вы прекрасно знаете, что я не приму вашей отставки и... – Тут он снова усмехнулся, но на этот раз несколько спокойнее, и продолжил более фривольным тоном: – Не отдам вас на растерзание этой своре престарелых маразматиков. Где еще я возьму столь верного и ловкого стража моих интересов, который к тому же не питает далеко идущих амбиций, как, скажем, лорд Эомирен? – Он сделал паузу и несколько насмешливо закончил: – Я склонен предполагать следующее. То, что он до сих пор не поднял в сенате вопрос о лояльности трону, вызвано только тем, что наша великая опора традиций пока не отказался от своих матримональных планов в отношении меня и одной из своих дочерей, а у вас, насколько я помню, одни мальчики. – Эней замолчал.

Лорд-директор еще несколько мгновений сохранял прежнюю позу, ожидая продолжения, потом неторопливо выпрямился. Собеседники обменялись понимающими взглядами, потом император сдвинул брови.

– Итак, вы уверены, что канскеброны что-то готовят.

Лорд Эйзел учтиво кивнул. Император задумался, потом повернулся вместе с креслом. Лорд-директор с положенной этикетом задержкой развернулся в ту же сторону. Густая темнота, до этого момента заполнявшая весь огромный кабинет, за исключением небольшого пространства вокруг стола, немного померкла, и на фоне дальней стены вспыхнула густая россыпь огней. Какое-то время собеседники молча рассматривали знакомую картину, потом император глухо произнес:

– С ними следовало разобраться еще моему деду двести лет назад, когда мы с ними только столкнулись. А он предпочел открывать школы, строить дворцы и основывать университеты.

Лорд Эйзел откликнулся с небольшой заминкой:

– Это весьма достойные занятия, сир.

Эней нервно рассмеялся.

– Перестаньте Эйзел, вы знаете, о чем я говорю. Бывают, хотя и гораздо реже, чем кажется, времена, когда солдаты становятся важнее студентов. Мой дед забыл об этом, и его потомку приходится за это расплачиваться. Правда не только за его грехи...

В кабинете на несколько мгновений установилась напряженная тишина, потом оба собеседника, не сговариваясь, одновременно снова повернулись к карте.

– А может, это проявление их обычной паранойи?

Лорд Эйзел отрицательно покачал головой:

– Не думаю, сир. Культура канскебронов, конечно, достаточно... оригинальна, но в области внешних контактов они давно придерживаются общепринятых правил игры. Тот факт, что их Контролеры пошли на столь беспрецедентный шаг, как полный и... я бы даже сказал, демонстративный арест всех наших резидентов и уничтожение наших разведывательных спутников, осуществленный на фоне тотального интернирования граждан империи, мне кажется, говорит сам за себя. Они прекрасно понимают, что наша слепота не протянется слишком долго, так что... – Он резко оборвал фразу, давая императору возможность самому закончить мысль.

Эней несколько мгновений молчал, осмысливая услышанное. И у лорда-директора мелькнула мысль, что, несмотря на то что три года правления уже оставили свой след на челе императора, именно в такие моменты его молодость становится особенно очевидной. Император поднял глаза:

– Сколько у нас времени? Три года? Пять?

– Я думаю, меньше, сир. Мы сможем развернуть достаточную сеть спутников за один, максимум два года. Так что все, что они планируют, должно произойти в течение этого времени. Или хотя бы основная часть.

Эней нервно стиснул руки, потом вскочил и раздраженно прошелся по кабинету. Яркое пятно света, висевшее над столом, разделилось на два, и меньшее из двух поплыло над императором, несколько напоминая со стороны нимб святого.

– О темная бездна, мы стали слишком мягкотелы! Двести лет назад, чтобы разобраться с канскебронами, достаточно было одной-двух эскадр, а сейчас... – Император запнулся и глухо закончил: – Сегодня они сильнее нас.

Произнеся это, Эней бросил испытующий взгляд на лорда-директора, но на лице того можно было прочесть только крайнее внимание. Лорд Эйзел был слишком опытен, чтобы поддакивать императору в тот момент, когда у его величества наступил приступ уничижения. Император несколько мгновений вглядывался в лицо собеседника, пытаясь отыскать хоть какие-то следы иных эмоций, потом усмехнулся:

– Ладно, Эйзел, оставьте свои упражнения в придворных манерах. Я же сказал, что за последние три года я успел выработать к ним стойкий иммунитет. – Он хитро прищурился: – До меня дошли слухи о вашем поручении имперскому Энор-Тарскому университету, не поделитесь результатами? – И он замолчал, оперев в собеседника проницательный взгляд.

На лице лорда-директора мелькнула тень растерянности, хотя, вполне вероятно, она была всего лишь отражением ожиданий императора. Однако пауза слишком затягивалась, и император явно не собирался прерывать ее первым.

– Исследования еще не закончены, ваше величество, я не хотел бы обсуждать необработанные результаты. – Он сделал паузу, стараясь получше подобрать слова. – И я не думаю, что вы должны быть столь... категоричны. Генеральный штаб и адмиралтейство утверждают, что последние сорок лет между нами сохраняется паритет...

Император горько рассмеялся и, подойдя к столу, резким движением бросил на полированную поверхность пластинку носителя.

– Вот, Эйзел, можете ознакомиться. За последние двенадцать лет ни одна, слышите, Эйзел, НИ ОДНА пограничная стычка тех кораблей, которые наше адмиралтейство считает равными по классу, не закончилась в нашу пользу. Мы выиграли только те стычки, в которых превосходство сил с нашей стороны было бесспорным. – Император нервно рассмеялся. – Впрочем, что я вам говорю! Вряд ли лорд Эсингей стал бы заниматься подобной статистикой по собственной инициативе, так что, скорее всего, это исследование тоже ваша работа! – И он внимательно посмотрел на собеседника.

Но лорд-директор никак не отреагировал на подобное заявление. Эней еще некоторое время пытался взглядом пробить броню невозмутимости лорда Эйзела, но потом признал свое бессилие и, тяжело опустившись в кресло, глухо заговорил:

– Когда я был маленьким, отец иногда усаживал меня на колени и рассказывал о наших предках. – Он сглотнул и, опустив голову, замолчал. Хотя если бы он поднял голову, то на этот раз его желание увидеть удивление на лице лорда-директора было бы вознаграждено. Многие считали императора Эзарра II великим правителем, некоторые, более информированные, чудовищем в человеческом облике, но никто никогда не мог представить его с ребенком на коленях. Он подавлял всех, кто находился рядом с ним, и даже сам Эней до сих пор, спустя три года после его кончины, чувствовал за своей спиной его монументальную, давящую тень. Хотя, возможно, именно она являлась основной причиной того, что он все еще оставался императором.

Эней тихо вздохнул:

– Тогда я мечтал стать столь же великим и прославленным в веках, как Эгей, Эниар II, Эномей или мои дед и отец. А сейчас... сейчас я уже готов согласиться на то, чтобы история

запомнила меня как серенького, незаметного правителя. Единственное, чего я боюсь, – это стать ПОСЛЕДНИМ императором. – Он вдруг поднял голову и, повернув к собеседнику отчаянный взгляд, произнес: – Вы должны совершить чудо, Эйзел. Вы должны помочь мне найти выход.

Лорд Эйзел приоткрыл тисненную золотом кожаную папку, которую все это время держал на коленях, и, достав оттуда пластинку носителя, неторопливым, но подчеркнуто значительным жестом положил ее на стол. Император несколько мгновений напряженно рассматривал маленький черный четырехугольник, словно пытаюсь увидеть, что же за информация скрывается в нем, потом перевел взгляд на собеседника:

– Что это?

Лорд Эйзел прикоснулся пальцем к сенсору активации, и над пластинкой возник мутный, размытый столбик голограммы, который мгновенно прояснился и исчез, сделавшись невидимым и оставив над столом только четкое изображение какой-то планеты. Лорд Эйзел заговорил четким, размеренным голосом:

– Спираль Нотерея, семнадцатый бут-сектор, зона «А». Третья планета желтой звезды, годовой период обращения 0,9 стандартного, суточный – 0,92, самоназвание Земля. Действующий вариант цивилизации существует около пяти тысяч местных лет. К моменту контакта с канскебронами, по приблизительным оценкам, достигли уровня «Эйч-2». – Он замолчал.

Император удивленно вскинул брови:

– Так низко? – Он покачал головой и внимательно всмотрелся в медленно вращающееся изображение планеты, словно пытаюсь понять, почему Эйзел испытывает к этой планете столь явно выраженный интерес. – И что привлекло к ней ваше внимание? Ведь вы не собираетесь просто ознакомить меня с особенностями ее истории и космографии?

Лорд-директор продолжил спокойным тоном:

– Спустя пятьдесят шесть местных лет после оккупации планеты канскебронами они подняли восстание.

Император слегка сморщился:

– Новый Терминум. Но Терминум, насколько я помню, имел к моменту захвата канскебронами уровень «Эйч-5». – Он сделал паузу. – Терминум продержался почти шесть стандартных месяцев, а эти? Три?

Лорд Эйзел медленно покачал головой:

– Восстание произошло восемь лет назад.

Император удивленно воззрился на собеседника. Потом его руки стиснули подлокотники кресла, а тело подалось вперед.

– Вы хотите сказать, что аборигены, за столь долгое время изолированного развития достигнувшие всего-навсего уровня «Эйч-2», после более чем пятидесяти лет оккупации сумели не только вышвырнуть канскебронов с планеты, но уже на протяжении восьми лет в одиночку удерживают свою систему?

Лорд-директор медленно кивнул.

– Но... как?

– Они сумели тайно построить собственный внутрисистемный флот. Насколько я смог установить, они научились обманывать Контролеров, управляющих производственными мощностями, и утаивать часть деталей, из которых на дне глубоководных озер собрали несколько десятков атакаторов. – Он сделал паузу и, выделив голосом последнюю фразу, закончил: – Кроме того, они сумели овладеть Базовым системным разрушителем и поставить под свой контроль его Контролера.

Император ошарашенно уставился на собеседника:

– Но это... невозможно!

Лорд Эйзел согласно склонил голову:

– Я тоже так считаю, ваше величество, но тем не менее им это удалось. Во всяком случае, спустя полгода после восстания, когда канскеброны попытались восстановить контроль над системой, аборигены устроили им чудовищную кровавую бойню, во время которой Базовый разрушитель разнес на атомы двух своих собратьев. Последняя битва произошла шесть лет назад, и с тех пор канскеброны не рискуют к ним соваться.

Эней вскочил на ноги и нервно прошелся вдоль кабинета.

– Откуда вы все это узнали?

Лорд Эйзел скорбно вздохнул:

– Я вынужден снова просить ваше величество принять мою отставку. Пять лет назад губернатор Таварра обратился в департамент колонизации с прошением о предоставлении на основании Коронного договора дополнительного ежегодного пула выходцам с вновь зарегистрированной планеты на границе его сектора, на двести мест в имперских высших учебных заведениях, для обучения специальностям инженеров различного профиля, навигаторов, пилотов и некоторым другим. Департамент колонизации удовлетворил прошение, предоставив места в заведениях категории «Б» на Танаке. Однако, когда чиновники департамента образования затребовали обычную статистическую справку, оказалось, что практически все члены первого состава пула давно получили императорские стипендии за отличную успеваемость и переведены для дальнейшего обучения в патронируемые университеты и училища. А поскольку каждому письмоводителю известно, что я испытываю непреодолимую страсть ко всем необычным отклонениям и умею щедро вознаграждать за рвение и наказывать за нерадивость, один из чиновников не поленился поставить меня в известность о столь необычном факте. Я решил, что моему департаменту не помешает побольше узнать о месте происхождения столь талантливой популяции варваров, и отправил офицера на Таварр с поручением поподробнее разобраться в обстановке. То, что ему удалось разузнать, привело меня в замешательство и заставило заняться этой планетой всерьез. Все то, что я сейчас вам сообщил, – результат двухлетнего расследования, которое продолжается до сих пор.

Император медленно кивнул и, отведя взгляд, задумчиво уставился на медленно вращающееся над поверхностью стола изображение планеты. Несколько мгновений в кабинете стояла полная тишина, потом Эней негромко спросил:

– Вы думаете, необходимо предложить им Коронный договор?

Лорд-директор покачал головой. Ох уж эта молодежь! Им подавай все или ничего.

– Наверное, это было бы неплохо, но, по оценкам моих социопсихологов, это вряд ли реально. Пятьдесят шесть лет под властью канскебронов кого угодно заставят относиться настороженно к любым союзам и договорам, тем более что они только что отвоевали свою планету у врага. Пока у них наблюдается бурный всплеск ярого патриотизма. Мои агенты под видом коммерческих предложений осторожно интересовались их отношением к возможности остаться и поработать на территории империи, но встретили слишком мало энтузиазма. Эти люди отдают должное блистательной империи, но по окончании учебы намерены поголовно вернуться домой.

Император нахмурился и капризно изогнул губы.

– Я думаю, если интересы империи требуют...

– Ваше величество, – мягко прервал его лорд Эйзел, – мне кажется, мы должны попытаться использовать в собственных интересах их ненависть к канскебронам, а не прививать им подобное чувство по отношению к империи. Лучше попробовать сделать так, чтобы они считали себя обязанными нам, или поставить их в такое положение, чтобы их вступление в войну казалось им наиболее логичным решением и, главное, принятым ими абсолютно самостоятельно. – Он помолчал и закончил несколько вкрадчиво: – Я думаю, что после пятидесяти с лишним лет оккупации они еще не успели набрать достаточно опыта, чтобы справиться с такой армией политических и дипломатических зубров, которую может выставить империя.

Император нервно рассмеялся:

– Простите, Эйзел. Конечно, вы правы, последнее время я несколько выбит из колеи. Что вы предлагаете?

Лорд-директор остановился, как бы давая понять, что его предложение будет выглядеть несколько необычно, потом заговорил:

– Мне кажется, нам стоило бы дать им понять, что мы не против установить более тесные отношения, причем не претендуя на больший уровень, чем они сами того захотят. В связи с этим я думаю, что визит кого-то из членов близкой к вам ветви королевского дома был бы очень нелишним.

Эней удивленно уставился на собеседника:

– На планету, с которой нет Коронного договора? И даже не на союзный мир? – Он расхохотался. – Да лорд Эмирен сгрызет последнее мясо с моих тощих ребер, если даже слух об этом дойдет до его чутких ушей.

Лорд-директор упрямо набычил голову.

– И тем не менее, сир. – Он сделал паузу и веско произнес: – Нам нужны союзники, которые будут не столько требовать защиты нашего флота, сколько смогут помочь ему защитить нас. По оценкам моих аналитиков, земляне в обозримом будущем не склонны ввязываться в любые конфликты, и нам придется приложить беспрецедентные усилия, чтобы заставить их изменить свое решение. – Тем более, сир, что у нас совсем нет времени на то, чтобы идти традиционным путем.

Император вздрогнул, вспомнив, с чего начался сегодняшний разговор. Лорд Эйзел некоторое время помолчал, давая императору привыкнуть к этой мысли, потом снова заговорил, но уже более вкрадчивым тоном:

– Мне кажется, сир, я могу предложить такой вариант развития событий, при котором лорд Эмирен не только с радостью санкционирует подобную поездку, но и приложит все усилия, чтобы получить одобрение сената.

Император недоуменно уставился на него:

– Поясните!

– Я говорю о леди Эсмизель.

Эней несколько мгновений осмысливал предложение, потом усмехнулся:

– Пожалуй, вы правы, Эйзел. Я не видел ее уже несколько лет, но, по слухам, за это время моя милая кузина успела достаточно приучить общество к вывертам своего неугомонного характера, чтобы и выходка, подобная столь необычному путешествию, сошла ей с рук. – Он хмыкнул. – Впрочем, вы об этом знаете лучше меня. – Император сделал паузу, задумался на несколько мгновений и продолжил тоном, который лорд Эйзел расценил как требование более подробных объяснений: – Но не думаю, что это вызовет чье-либо одобрение, и уж тем более лорда Эмирена. Не говоря уж о том, чтобы придать подобной поездке официальный статус.

– О, ваше величество, по моим прикидкам, это не столь сложно сделать, особенно если лорд Эмирен будет действовать с нами заодно. Я предлагаю следующее... – И он чуть склонил голову, приблизив лицо к августейшему уху.

Спустя два часа они покинули кабинет.

Часть I Варвар

1

Дежурный офицер стремительно взбежал по лестнице и, свернув в узкий, длинный коридор, быстрым шагом двинулся вперед. Покоробившийся паркет, зиявший залитыми цементом дырами, отчаянно скрипел, а вдоль окон тянулась выщербленная полоса, которую по каким-то причинам не могли залить уже несколько недель. Наступив на одну из оторвавшихся паркетин, офицер чуть не растянулся на полу. С трудом удержавшись на ногах, он в сердцах выругался и зло сплюнул на пол. Проклятое здание, проклятое дежурство, проклятая судьба. О, святые стихии, ну почему ему так не повезло!

Общежитие Танакийской его императорского величества высшей школы пилотов было построено более двухсот лет назад и изначально было предназначено для мукомольни. Однако за время строительства торговая компания, заказавшая возведение здания, обанкротилась, и поэтому новенькая мукомольня, в которой еще, слава богу, не успели смонтировать ни одной единицы оборудования, пошла с молотка. На муниципальном аукционе ее приобрел владелец сети общественных стоянок и гаражей для боллертов. Он установил эскалаторы, заделал технологические проемы между этажами и оборудовал здание как стоянку для частных пользователей. Однако то ли строительная фирма некачественно выполнила подряд, то ли, что более вероятно, новый владелец решил немного сэкономить, но в один прекрасный день рухнуло сразу три пролета со всеми находящимися на них боллертами. Все было бы ничего, если бы пострадали только машины, – в конце концов, зачем еще нужны адвокаты, так не для того, чтобы отбиваться от сумасшедших исков страховых компаний. Но в одной из машин на заднем сиденье развлекалась юная парочка. Стоило владельцу здания увидеть на сервере ежедневных новостей, как из-под обломков извлекают изуродованные обнаженные тела, так он сразу сделал правильный вывод. Когда на следующий день к его дому прибыли императорские коронеры, то оказалось, что хозяина и след простыл, на счетах пусто, а недвижимости едва хватает на то, чтобы выплатить императорский штраф и часть компенсации семьям пострадавших. Несколько лет здание переходило из рук в руки, строилось и перестраивалось. Сначала из него хотели сделать роскошный торговый центр, потом пакгаузы, благо рядом было посадочное поле небольшого коммерческого космодрома, но, чтобы окончательно решить его судьбу, все время не хватало какой-нибудь малости. Поэтому, когда разразился первый кризис с канскебронами и император Эономер II принял решение резко увеличить размеры флота, очередной владелец с немалым облегчением продал здание вкуче с разорившимся космопортом имперскому адмиралтейству. И спустя всего семь месяцев после этой сделки в здании, наконец-то определившем свою судьбу, блестя бритыми затылками, появились первые двести курсантов.

Дежурный офицер, громко брякая каблуками, свернул за угол и притормозил, раздраженно выругавшись вполголоса. Гирлянды старинных люминофорных светильников, которые все поколения начальников школы мечтали заменить более современными, но не имели никакой возможности это сделать, поскольку столь древние предметы находились под наблюдением недреманного ока императорского департамента двора и традиций, грудью встававшего на защиту любой старой развалины, но не выделявшего ни монеты на ремонт и содержание этой рухляди, на протяжении следующих двадцати шагов почти полностью потухли. Да и те, что висели чуть дальше, светили далеко не в полную силу. Офицер нерешительно потоптался, подумав о том, что, может быть, стоит плюнуть и пропустить этот коридор. В конце концов,

надо быть полным идиотом, чтобы ежедневно полностью отсматривать весь материал с переносного монитора дежурного, так что, возможно, никто никогда и не узнает, что он схалтурил при обходе. Но потом вздохнул и, обреченно припомнив, что начальник Танакийской школы как раз и есть такой идиот, а он уже имеет в личном деле не только два высочайших недовольства, но и высочайшее предупреждение, двинулся вперед, старательно щуя глаза и напрягая все свои органы чувств, включая обоняние, чтобы ни на что не наткнуться в царившем вокруг густом сумраке.

До сих пор так и неясно – то ли поселившаяся в здании императорская школа пилотов унаследовала его горемычную судьбу, то ли были какие-то иные причины, однако с момента своего образования эта школа считалась самой большой дырой во всем императорском флоте. Ее выпускники приносили львиную долю аварий, чаще других вылетали со службы без пенсии и содержания или переводились в планетарную оборону. Это было вполне объяснимо, поскольку преподавательский состав, по неписаной, но устоявшейся традиции, формировался либо из полных тупиц, либо из профессиональных неудачников, короче говоря, из тех офицеров, в отношении которых окончательно выкристаллизовывалось мнение, что их на пушечный выстрел не стоит подпускать к кораблям и орбитальным крепостям, но избавиться от них каким-либо иным способом не представлялось возможным. Столь славные наставники выпускали достойных учеников и последователей, те множили привычную славу своей альма-матер и тем еще крепче убеждали руководство флота в том, что Танакийская высшая школа пилотов годится только на роль отстойника для тупиц.

Дежурный офицер наконец преодолел темный участок и, облегченно вздохнув, прибавил шаг. Впереди послышался неясный гул голосов, кто-то пел. Офицер поморщился. В этом отсеке жили варвары, прибывшие из какого-то колониального мира. Он привычно выругался, помянув всех предков того тупого чиновника департамента колонизации, который додумался еще больше усугубить ситуацию, допустив в учебное заведение императорского флота тупых аборигенов с какого-то варварского комка грязи. Они прибыли в школу полтора месяца назад, и добросовестные офицеры и старшины, у которых в настоящее время должен бы быть полноценный каникулярный балдеж, были вынуждены отвлекаться на то, чтобы сделать из этих недоумков нечто, хотя бы немного напоминающее курсанта. Этим занимался его приятель, старший офицер курса, который, ерничая, называл свое занятие «дрессировкой диких кротов». Однако, по его словам, эти полуживотные оказались достаточно понятливыми, хотя и очень упрямыми, так что к настоящему моменту они были уже неплохо выдрессированы, хотя в этом дежурный офицер достаточно сильно сомневался. В конце концов варвар есть варвар, и, что с ним ни делай, варваром он и останется. Но даже если это и было правдой, то ничуть не делало этих грязных варваров более привлекательными. Офицер поморщился и завернул за угол. Теперь голоса были слышны более четко.

Ночь была так светла.

Все объекты разбомбили мы дотла...

Дежурный офицер совсем уже прошел мимо, но у самого угла остановился и вернулся назад. Незнакомая мелодия его неожиданно заинтересовала. Остановившись у самой двери, офицер прислушался. Голоса поющих имели странный акцент, но слова выговаривали довольно четко.

Мы ползем, ковыляя во мгле,
Прижимаясь к родимой земле.
Хвост горит, бак пробит, и машина летит
На честном слове и на одном крыле.

Офицер толкнул дверь и шагнул внутрь. Песня мгновенно смолкла, варвары вскочили на ноги и вытянулись в струнку. Офицер окинул взглядом комнату. Судя по первому впечатлению, его приятель был не так уж не прав. Кровати без единой морщинки, монитор отключен, мебель выровнена как по линейке. Он опустил глаза и слегка искривил губы в улыбке. Эти варвары пели, сидя на полу. Он покосился на троих курсантов, которые по-уставному ели его глазами, и слегка шевельнул пальцами, разрешая принять положение «вольно». Варвары, не меняя положения тела, чуть ослабили левую ногу. Офицер одобрительно кивнул и небрежным жестом протянул руку, указав на странный музыкальный инструмент, на котором играл один из курсантов:

– Что это?

– Лэр, банджо, лэр.

Офицер взял инструмент и окинул его ленивым взглядом. Святые стихии, из какой дыры они прибыли! Музыкальный инструмент был изготовлен из дерева, обтянутого чем-то, напоминавшем высушенную кожу животных, и длинных тонких нитей, сделанных то ли из металла, то ли из какого-то грубого пластика. И ни одной электронной детали! Он еще раз окинул странную конструкцию удивленным и слегка брезгливым взглядом, потом отдал ее обратно и произнес, несколько лениво растягивая слова:

– Это песня вашей планеты?

– Лэр, да, лэр! – рявкнули три молодых голоса.

– А о чем это она?

Трое смущенно переглянулись, но офицер ждал, поэтому один из курсантов, кожа которого была черного цвета, нерешительно пояснил:

– Это... песня атмосферных пилотов, лэр.

– Атмосферных? – недоуменно воззрился на него офицер.

– Лэр, да, лэр. Военных атмосферных пилотов, лэр. Она очень старая, лэр.

Офицер несколько мгновений недоуменно смотрел на них, потом усмехнулся и покачал головой. Если архаичный музыкальный инструмент еще можно было объяснить какими-то ритуальными или фольклорными предпочтениями, то это... Ну и глушь! Только представьте себе – военные атмосферные пилоты! Эта мысль так его развеселила, что офицер не выдержал и расхохотался во все горло. Когда спустя несколько минут он покинул кубрик, то его настроение было заметно лучше прежнего. Все-таки приятно иногда вспомнить, что на свете существуют дыры и почище Танакийской его императорского величества высшей школы пилотов.

Когда за офицером захлопнулась скособоченная, скрипучая дверь, все трое облегченно выдохнули и снова опустились на пол. Впрочем, облегченно выдохнули только двое, третий был невозмутим. Некоторое время они сидели молча, потом Энтони нервно хмыкнул и, повернувшись к друзьям, произнес:

– Клянусь распятием, я начинаю думать, что идея с переводом была не самой лучшей мыслью.

Все трое переглянулись. Они находились на Танаке уже два года. Нельзя сказать, чтобы она была самой развитой планетой империи, но никто не стал бы отрицать, что провинция Танака, включавшая также кроме самой Танаки еще две колонизированные планеты своей системы, на протяжении уже нескольких столетий являлась одной из самых надежных опор императорской власти. И возможно, именно поэтому департамент колонизации избрал столичную планету провинции для осуществления своей программы помощи отсталым окраинам. Ибо где, как не на Танаке, можно было воспитать в тупых и ограниченных аборигенах из окраинных миров благоговение и преклонение перед империей, и к тому же сделать это, не создавая беспокойств жителям метрополии. К сожалению, все эти рассуждения были чистой теорией, не имеющей никакого отношения к реальности. Поскольку, во-первых, танакийцы оказались

намного большими снобами, чем, вероятно, были жители столичной планеты, поэтому ни о каком воспитании благоговения речи не шло. Скорее, варвары с окраин считались здесь чем-то вроде говорящего варианта рабочей скотины. Впрочем, подобная неприязнь имела под собой почву, поскольку, и это во-вторых, преклонение перед империей в основном выражалось в том, что варвары, закончившие обучение, совершенно не горели желанием возвращаться на собственные полудикие миры и предпринимали героические усилия для того, чтобы остаться в империи. И многим это удавалось. Кварталы дешевых доходных домов, расположенных вокруг учебных заведений, задействованных в программах департамента колонизации, уже давно превратились в поселения, заполненные выходцами из множества варварских миров. Внутри этих мрачных и давно забывших о каком-либо ремонте строений царили чрезвычайно простые нравы. Земляне знали об этом не понаслышке, поскольку сами провели два года в подобном поселении, и двое из них имели на своем теле отметины от ножа, заточки или кастета, полученные во время прохождения процедуры местной «натурализации». Впрочем, все это было уже в прошлом.

Берс усмехнулся.

– Ладно, кончай нюни распускать. В конце концов, разве мы не этого хотели?

Согласно плану, разработанному еще на Земле, этим летом все земляне, проходящие обучение в империи, подали прошение в департамент колонизации с просьбой разрешить им продолжить обучение в учебных заведениях высшей категории. Кроме того, представителю Земли Алукену-Соломону Кану пришлось в голову попытаться провернуть одну авантюру, которая в случае успеха сулила массу выгод. Он выбрал их троих, которые за прошедшие два года набрали максимально возможный рейтинг, и решил, воспользовавшись одним из пунктов Имперского уложения и хорошими связями с губернатором Таварра, попытаться пропихнуть их не просто в учебное заведение более высокой категории, а в военное училище флота. Впрочем, представитель Земли не строил особых иллюзий, а потому из всех возможных вариантов была выбрана Танакийская высшая школа пилотов. Поскольку было справедливо решено, что, если не удастся пролезть туда, в другие места не стоит и соваться. По-видимому, губернатор Таварра честно отработывал солидный объем редких металлов, полученный от торгового представителя Земли, и возможность в неограниченном масштабе удовлетворять свои охотничьи аппетиты, а может, причина была в чем-то ином, однако все трое быстро получили допуски к предварительным тестам. И вот два месяца назад они прибыли в расположение Танакийской его императорского величества высшей школы пилотов. Берс и Энтони приехали с южного континента, а Млокен-Стив – с востока северного. Они помнили друг друга еще со времен перелета в империю на Бродяге, но тогда не успели близко познакомиться и вот теперь встретились после двухлетнего перерыва. В школе как раз только начались каникулы, и практически все курсанты разъехались по домам или улетели на свои миры, так что в древнем здании общежития земляне были практически в одиночестве.

Две недели, до начала тестирования, их усиленно муштровали. Этим по поручению старшего офицера курса занимался старый флотский старшина, состоящий на должности инструктора связи. Спущенное ему сверху поручение старшина принялся исполнять со всем возможным рвением. Все равно во время каникулярных отпусков постоянному составу делать в школе было особо нечего. Так что старшина оттягивался на полную катушку.

После сдачи тестов по уровню физического развития они, хотя и с явной неохотой, были допущены к программе интеллектуального отбора.

Когда они прибыли в учебный корпус, стискивая в руках карточки с результатами тестов, старый флотский старшина, приставленный к ним начальником курса, небрежно протянул руку и, бросив взгляд на зафиксированные результаты, на мгновение удивленно застыл, а потом покачал головой и буркнул себе под нос:

– Если все придурки того комка грязи, с которого вы прибыли, могут показать сходные результаты, то стоит посоветовать моему шурину смотаться туда, а не протирать штаны в вербовочном пункте на Балее. – Но тут же скептически выпятил губу и свирепо рявкнул: – Ну что уставились, тараканье дерьмо, вам на шестой уровень в «мозгодавилку», и, клянусь темной бездной, после нее вы будете чувствовать себя именно тем, чем на самом деле и являетесь, – натуральными лошадиными задницами.

В общем, он был не так уж и не прав. Когда через два часа они вывалились из индивидуальных кабинок, в которых и происходило их общение с тестовой программой, Энтони вытер вспотевшее лицо и пробормотал:

– Клянусь святым Себастианом, я не думаю, что та часть тела, которая по-дурацки торчит у меня над плечами, способна сейчас сотворить хоть одну стоящую мысль.

Млокен-Стив согласно кивнул и, болезненно скривившись, потер руками виски, а Берс, который после любой передряги всегда выглядел лучше других, усмехнулся и небрежно сказал:

– А мой терминал замкнуло.

– Почему? – удивился Млокен-Стив.

Берс пожал плечами:

– Последние семнадцать минут он не задал мне ни одного вопроса.

Энтони и Млокен-Стив удивленно уставились на него, но Берс больше ничего не сказал и, кивнув в сторону лестницы, первым двинулся по коридору.

Когда они спустились на нижний этаж, в вестибюле учебного корпуса их уже ждал их родимый старшина. Он раздраженно вертел в руках карточки и вполголоса ругался сквозь зубы. Заметив их, он поспешно сунул карточки в папку и свирепо заорал:

– Эй, вы, беременные жабы, шевелитесь! Вы что думаете, что дежурный по курсовой автораздаче будет ждать вас до завтрашнего утра?

Ребята прибавили шагу, а старшина резко повернулся и, двинувшись вслед за ними, что-то забормотал себе под нос. Берс напряг слух и расслышал последние слова:

– ... шурину стоит заняться этой дерьмовой планеткой.

В понедельник старшина сообщил им, что с учетом их двухлетней подготовки в коммерческой школе пилотов и результатов сдачи предварительных и основных тестов они зачислены сразу на второй курс на правах дебит-рекрутов. Впрочем, до начала учебного года оставалась еще уйма времени, и старшина не преминул уточнить, что каждую секунду этого времени он намерен посвятить тому, чтобы трое грязных варваров начали хотя бы немного напоминать курсантов.

И вот заканчивалась последняя неделя летних отпусков, и с завтрашнего дня в школу должны были начать прибывать курсанты, возвращающиеся из каникулярного отпуска.

После слов Берса все трое обменялись понимающими взглядами, потом Энтони покачал головой:

– Все-таки если бы тебе прибавить чуть-чуть чувства юмора...

Берс досадливо поморщился:

– Опять вы за старое! Не знаю как кого, но тех канскебронов, с которыми я сошелся накоротке, мое чувство юмора вполне удовлетворило. Во всяком случае, пока я не слышал ни единой жалобы.

Его приятели удивленно переглянулись и дружно расхохотались. Хотя смех Млокен-Стива был несколько натянутым – он присоединился к защите перед самым отлетом и поэтому никак не мог участвовать в войне.

Когда Энтони удалось немного успокоиться, он утер выступившую слезу и, покачав головой, заговорил:

– Ну удивил так удивил! Расскажи кому – Берс пошутил, шиш поверят. Пожалуй, два года жизни в столь блистательной империи, прямо-таки средоточии ума и могущества, явно пошли тебе на пользу.

Берс скривился.

– Тоже мне блистательная! Да такой клоаки, как здесь, у нас на Земле...

Его прервал новый взрыв хохота. На этот раз резюме выдал Млокен-Стив:

– Нет, Энтони, до нормального человека ему еще совершенствоваться и совершенствоваться. А я уж было заволновался... – и он снова согнулся в приступе хохота.

Берс окинул их презрительным взглядом и лениво отвернулся.

– Тоже мне, средоточие ума и силы! А пошли вы знаете куда со своей империей! Да я не променяю леса Земли и на императорский дворец, расположенный в центре этих вшивых человеческих муравейников. – Он высокомерно вскинул подбородок и, подойдя к окну, уставился на висящие над видневшимся вдали посадочным полем темные тучи.

Смех постепенно затих. Все вспоминали бескрайние земные леса, голубые озера. Древний Байкал, ставший местом возрождения землян и кузницей их победы. Гигантские проплешины бывших городов, о которых они знали только по файлам информатория и которые им никогда не суждено увидеть воочию. Ничего, ни парижского Версаля, ни лондонского Биг-Бена, ни Московского Кремля, ни нью-йоркской статуи Свободы, ни китайской Великой стены. Ничего из того, что создали их великие предки. И все-таки это был их мир. Планета, на которой жили сотни поколений землян. И они находились на Танаке именно для того, чтобы сохранить Землю для новых поколений.

Берс вдруг отвернулся от раскинувшейся за окном картины, стиснул кулаки и скрипнул зубами:

– Ну почему, почему мы не успели стать столь же сильными, как они?

Энтони грустно качнул головой:

– Когда листаешь исторический раздел или влезаешь в секретные файлы Пржежных, то начинаешь удивляться: как с любимой привычкой Пржежных распадаться на мелкие группки и свирепо интриговать друг против друга они вообще сумели выжить! – Он возмущенно фыркнул: – Подумать только, землянин из Айовы думал, что он имеет что-то против землянина из Сибири, а землянин с берега Персидского залива терпеть не мог землянина из пустыни Негев. Ну что за тупость!

Берс выпустил воздух сквозь сжатые зубы и криво усмехнулся.

– Ладно, что произошло, то произошло. – Он усмехнулся. – С другой стороны, если бы Земля стала похожей на это, – он кивнул подбородком в сторону видневшихся вдалеке огней коммерческого космопорта, – меня бы стошнило от такой Земли.

Млокен-Стив задумчиво покачал головой:

– Знаешь, перед самым отлетом я начитался Гамильтона. Звездные короли... Лорды... Великие враги... Верные друзья... Любовь, коварство... И когда я узнал, что меня выбрали для обучения в ИМПЕРИИ!.. Я ждал чего-то, чего-то, – он махнул в воздухе своей лопатообразной дланью, – этакое, а не, – и он громко хлопнул рукой по тощему матрасу, подняв тучу пыли, – клопов, пьяных офицеров, едва залатанных учебных кораблей! – Он сделал паузу и, криво усмехнувшись, добавил: – И надо всем этим высокомерная кучка лордов, замкнувшаяся в своих традициях, как улитка в раковине.

Они помолчали, потом Берс спросил:

– А этот Гамильтон, он из куклосов или «дикий»?

Млокен-Стив несколько мгновений недоуменно смотрел на него, потом расхохотался:

– Он из Пржежных!

Тут расхохотался и Энтони. Берс слегка покраснел и некоторое время смотрел на них, поджав губы, а когда они замолчали, заговорил, несколько растягивая слова:

– Прежние, конечно, были умными людьми, но, когда однажды надо было применить весь свой ум, силу и стойкость, они показали себя дерьмом.

И с этим вряд ли кто мог поспорить.

2

– Урод! Урод!! УРОД!!!

Высокий старшекурсник с красным как вареный рак лицом нависал над Стивом и, надсаживаясь, орал ему в ухо.

– Лэр, есть, лэр.

– Ты самый тупой и отвратительный урод, которого я когда-либо видел! И на конкурсе уродов ты занял бы второе место. – Он сделал паузу, ожидая вопроса, но Млокен-Стив только тупо проорал:

– Лэр, да, лэр.

Старшекурсник перевел дух и снова заорал:

– Знаешь, почему второе, урод?

– Лэр, нет, лэр.

– ПОТОМУ ЧТО ТЫ УРОД!!!!

– Лэр, да, лэр.

– Тьфу.

Старшекурсник устал. Эти варвары с какой-то Богом забытой планетки со смешным названием Земля оказались слишком выносливы. Он считался рекордсменом по «сбиванию с катушек» всяких дерьмовых тупиц и, как правило, приступал к делу после того, как приятели опускали руки. Так произошло и на этот раз. За прошедшую неделю довести этих троих пытались лучшие глотки школы, но... все они были вынуждены с позором отступить. Поэтому пришла очередь «короля». И вот такой позор! Он терзал их уже почти три часа. Первокурсники к этому времени обычно падали в обморок, особо борзые второкурсники, рыдая, закатывали истерики, а этим хоть бы хны. Впрочем, не этим, а этому. Последние полчаса он наседал только на него одного. Чернокожий, который, вот умора, был тоже с этой планетки, оказался сектантом и уже затрахал своими поминаниями святых. От другого он отступился сам. Этот худой в общем-то и не сопротивлялся, только побагровел и зыркнул глазами убийцы, и у старшекурсника как-то пропало желание искушать судьбу. А третий, со смешным именем Млоуаукен-Стиуив, или как там это звучит на их варварском языке, оказался вполне привычным фруктом. Только вот падать с ног никак не хотел. Старшекурсник вытер пот, представил, что скажут друзья и соседи по кубрику, узнав, что он не смог «сбить с катушек» ни одного из этих придурков, и снова, надсаживаясь, заорал:

– Упор лежа, всем, живо! Сорок раз.

Те в который уже раз рухнули на скрипящий деревянный пол и начали резво сгибать и разгибать руки. Старшекурсник окинул их завистливым взглядом. По его подсчетам, которые, правда, были несколько завышены, он сам отрубился бы уже минут двадцать назад, а этим придуркам хоть бы что. Ну ничего, он им еще покажет... Но в это мгновение дверь кубрика распахнулась, и на пороге появился командер-капитан Сампей, как всегда сопровождаемый стойким запахом перегара. Изрядная, следует признать, скотина. Эти варвары, уму непостижимо, среагировали первыми. Их будто подбросило с пола, и спустя долю секунды они уже стояли по стойке «смирно» и ели глазами командер-капитана. Старшекурсник оторопело вытаращился на них и пошевелился только тогда, когда старина Сампей взревел своим диким голосом:

– Может, вы соизволите оторвать жопу от стула, курсант?

– Лэр, да, лэр.

Старшекурсник суматошно вскочил и с замиранием сердца осознал, что влип. Дрюча курсантов, командер-капитан испытывал почти оргазмическое наслаждение, а поскольку успехи в постели имели в его случае почти непреодолимое препятствие в виде бутылки (после первого же доброго глотка физических возможностей организма у старины Сампея оставалось

только на то, чтобы поднять стакан, и ничего более), данный вид удовольствия он получал только с помощью родимого переменного состава школы. Если бы старшекурсник среагировал быстрее, то командер-капитан, вне всякого сомнения, сосредоточил бы свое основное внимание на этих уродах, а теперь... О темная бездна! От открывшихся перспектив старшекурсник даже зажмурился.

– Что ты шуришься, рыло горноматки, что ты шуришься! – Командер-капитан даже задохнулся от возмущения. – В МОЙ КАБИНЕТ БЫСТРО! И шевели своими корявыми ходульками, пока я окончательно не разолился.

Старина Сампей развернулся и, больше не обращая внимания на остальную мебель кубрика, в число которой, по-видимому, он занес и троих его обитателей, двинулся прямо сквозь закрытую дверь, что, впрочем, задержало его не более чем на секунду. Рядом, усердно имитируя бег на месте, рысил старшекурсник. Командер-капитан не терпел, когда его распоряжения выполнялись медленно, но, кроме того, он также терпеть не мог, когда его обгоняли, посему старшекурснику просто необходимо было имитировать бег, двигаясь при этом со скоростью черепахи. Впрочем, это не принесло ему особой пользы.

Когда вопли старины Сампея, изредка перемежаемые испуганно-визгливыми ответами старшекурсника, немного стихли, все трое наконец расслабились и перевели дух. Млокен-Стив рухнул на стул и вытянул ноги.

– О черт, я уж думал, что наконец достиг того места, где мне суждено откинуть коньки.

Берс, который, как обычно, выглядел свеженьким, чуть искривил губы в той гримасе, которую они с Энтони договорились считать у Берса улыбкой.

– Они уже выдохлись. Это последний.

– Ха! – Млокен-Стив скептически фыркнул.

Энтони подался вперед:

– Нет, это серьезно?

Берс усмехнулся и равнодушно отвернулся. Он не любил повторять очевидные вещи, даже если они были очевидны только для него одного.

Со дня официального начала учебного года прошла неделя. Но Энтони и Млокен-Стиву казалось, что они впервые увидели рожу курсанта-старшекурсника целую вечность назад. И начиная с того момента каждый из старшекурсников норовил вбить в их головы мысль о том, что когда они приняли решение появиться на этом свете, то совершили самую большую ошибку в своей жизни. Впрочем, вся их остальная жизнь тоже была сплошной чередой ошибок. Второй по значимости была мысль о том, что каким-то грязным варварам может втемяшиться в их тупую башку дурацкая идея надеть мундир курсанта учебного заведения императорского флота. Теоретически все трое были готовы к этому. Под конец тестирования старшина несколько проникся к ним и достаточно подробно изложил все прелести того, что их ожидает. Напоследок, правда, ободряюще добавил:

– Ничего, не бойсь. Все через это проходят, а уж вы-то... – И он гордо покачал головой, как бы отметая все сомнения в том, что такие крутые парни, как они, да еще прошедшие его школу, могут не выдержать этакого пустяка. И пока они держались...

– Так ты говоришь, выдохлись?

Берс снизошел до кивка.

– Слава тебе, Господи!

Млокен-Стив, уже слегка оклемавшийся, с хрустом развел руками и произнес ехидным тоном:

– Ну раз Берс сказал... – Он осекся, задумался, а потом добавил уже удивленно: – А ведь верно, мне только сейчас припомнилось... – Стив заинтересованно повернулся к Берсу: – Слушай, а действительно, то, что ты говоришь, всегда сбывается. Почему это?

На лице Берса появилась некая гримаса. Товарищи уже знали, что это означает подобие улыбки.

– Может, потому, что я говорю не столь много, как некоторые.

Млокен-Стив несколько мгновений смотрел на него, потом не выдержал и расхохотался. Но не успокоился и, когда сумел унять смех, снова спросил:

– Так все-таки почему? Я же помню тот случай в баре, и потом, когда мы чуть не влипли в доках, ну когда мы подрабатывали еще до начала тестов, когда нас хотела прижать та портовая банда... Да и Энтони всегда принимает твои слова за чистую воду. – Млокен-Стив тут же повернулся к Энтони.

Тот усмехнулся:

– Ты ведь из Вермонта?

– Ну да.

– Вы присоединились к защите уже после Освобождения?

Млокен-Стив слегка вскинул подбородок:

– Ну и что? – В его голосе послышались нотки вызова.

Энтони вскинул руки:

– Не обижайся, я не имел в виду ничего плохого. Ты отличный парень и надежный товарищ, потому что иначе тебя бы здесь не было. К тому же мы сами успели в этом убедиться. И все мы прекрасно помним, что куклосы Вермонта смогли связаться с Сетью Защиты только после Взлета. Просто если бы ты был членом Защиты во время Битвы в поясе, то не задавал бы таких вопросов.

Млокен-Стив недоуменно переводил взгляд с одного на другого. Энтони пояснил:

– Его настоящее имя Олег, а Берс – это прозвище. – Он остановился и, видя, что Млокен-Стив все еще в недоумении, пояснил: – Их всех так зовут.

Тут до Стива наконец дошло. Он вздрогнул и изумленно уставился на Берса:

– Так ты... берсерк? – Он помолчал, потом продолжил шепотом: – Но я слышал, что они дали клятву не покидать Землю.

Берс бросил на него спокойный взгляд и сухо уточнил:

– Не клятву.

Млокен-Стив непонимающе повел плечом. На помощь опять пришел Энтони:

– Просто их слишком мало, а без них Земле не устоять... К тому же когда берсерк входит в боевой транс, то, пока не кончатся враги... или те, кого он считает врагами, ему очень трудно остановиться. А они, – тут Энтони усмехнулся, – очень легко в него входят. Поэтому считается, что им лучше оставаться там, где знают про эту их особенность.

Млокен-Стив ошарашенно покачал головой:

– То-то ты все время вроде как двинутый. А я еще во время первой встречи послал тебя на... – Он запнулся и ухмыльнулся, потом повернулся к Берсу: – Послушай, а как ты решился?

Тот молча пожал плечами:

– Я могу контролировать себя лучше других. И еще Энтони, он умеет меня сдерживать, если я почти на грани.

Млокен-Стив некоторое время переваривал услышанное, потом пробормотал:

– То-то все шишки достаются мне. Энтони всех сражает наповал своим взглядом годовалого теленка, а Берсу стоит зыркнуть, и все понимают, что с ним лучше не связываться. – Он хмыкнул, опять покачал головой и, расплывшись в улыбке, закончил: – Ну и черт с ним. Зато все бабы мои. – Он еще некоторое время посидел, крутя головой, потом опять повернулся к Берсу: – И все-таки как это у тебя выходит? Ну, то, что ты все время прав?

Тот пожал плечами:

– Не знаю. Для меня это просто очевидно, как... цвет одеяла. Ты же не будешь спорить, что оно синее?

Млокен-Стив хмыкнул:

– Очень понятно объяснил.

Энтони усмехнулся.

– Ну, мы тоже давно пытаемся понять, как ты охмуряешь девушек.

– Да-а-а? А мне показалось, что вас это не особо интересует.

– Ну-у-у, чисто теоретически я, наверное, не прочь попробовать. – И оба расхохотались.

Когда они успокоились, Млокен-Стив подвел итог:

– Что ж, тогда остается уверовать в предсказание Берса Великого и перевести дух.

На том и порешили. К тому же утром выяснилось, что Берс, как обычно, оказался прав. Во всяком случае, они впервые проснулись сами, а не были подняты диким ревом очередного старшекурсника, решившего доказать приятелям, что уж он-то сумеет дожать этих придурков-варваров.

Занятия были достаточно монотонны. И хотя на втором курсе уже не практиковалось той изнуряющей муштры, каковая отнимала большинство времени на первом, но до относительной свободы старших курсов было еще далеко. К концу первого месяца обучения они уже сдали большинство тестов по специальным предметам, и перед ними впервые замаячила перспектива благословенного увольнения, о котором Млокен-Стив мечтал с момента прибытия в школу.

– Подумать только, – возмущался он, – торчу в этом дерьмовом городке уже почти три месяца, а до сих пор не запрыгнул ни на одну из местных курочек! Нет, так легко и дисквалифицироваться.

На что Энтони фыркнул, а Берс, как обычно сидевший в углу, уткнувшись в какую-то распечатку, просто шевельнул ухом. Для получения разрешения на увольнение им оставалось еще сдать зачет по физической подготовке, который предстоял им на следующий день. Результаты предварительных и вступительных тестов были не в счет.

Следующее утро началось с того, что сразу после того, как они прибежали с зарядки, в кубрик ввалился старина Сампей. Сегодня, как ни странно, он не обозначил своего появления ревом еще на нижних этажах общежития, да и перегар разил всего на пару шагов, поэтому если бы не Берс, то можно было бы сказать, что он застал их врасплох. Но за несколько секунд до его появления Берс, который уже заправил кровать и выровнял табурет, вдруг повернулся в сторону двери, несколько мгновений вслушивался и негромко буркнул:

– К нам посетитель.

Млокен-Стив, все еще валявшийся на незаправленной постели, на которую он со стоном рухнул прямо в трусах, футболке и кроссовках после того, как прибежал с зарядки, со страдальческим выражением оторвал голову от подушки и возмущенно возгласил:

– Ты же обещал, что они сдохли!

Берс слегка повел головой из стороны в сторону и пояснил:

– Старина Сампей.

Млокен-Стив изумленно вытаращил глаза и пробормотал:

– Ну берегись, луны Танаки рушатся вниз, старина Сампей поднялся ни свет ни заря. – И едва успел вскочить с кровати и принять позу курсанта, сильно озабоченного уставной уборкой постели, до того момента, как старина Сампей вошел в кубрик, как всегда не заметив входной двери. Млокен-Стив не упустил момент и, выкатив глаза, рьяно заорал: – Кубрик, смирно!

Коммандер-капитан остановился посередине комнаты и несколько мгновений хмуро озирал троих курсантов. Худой в углу был уже полностью готов, кровать заправлена без единой морщинки, табурет, тапочки на месте, форма разглажена, под снаряжением без единой складочки; чернокожий также был почти готов, а третий все-таки подал команду, заведи его темная бездна. Коммандер-капитан скривился от неразрешимой дилеммы по поводу того, на кого из троих накинуться, но потом вспомнил, по какой причине его так рано принесло в общежитие, и ослабил. Что ж, пока можно потерпеть, а потом вполне обоснованно заняться сразу троими.

– К-к-курсанты, через... две минуты построение в коридоре и... – он запнулся, рыгнул и решил пока на этом закончить.

– Лэр, есть, лэр, – слаженно проорали три луженые глотки.

Когда старина Сампей покинул кубрик, Млокен-Стив перевел дух и, ринувшись к постели, спросил:

– Чего это он приперся?

Энтони поправил форму и, повернувшись к Стиву, ответил:

– Он куратор команды школы по болу, и начальник школы обязал его присутствовать на каждом тестировании по физической подготовке. Вроде бы как отбирать перспективных игроков. – И, усмехнувшись, добавил: – Хотя если судить по тому, что танакийцы на протяжении всей своей истории прочно занимают «почетные» места в последней пятерке в таблице чемпионата флота, то, скорее всего, старина Сампей согласился на эту должность только потому, что благодаря ей у него появились неисчерпаемые возможности оттягиваться на полную катушку, дрюча по полтора десятка курсантов одновременно.

Из-за двери послышался рев. Это старина Сампей прочищал глотку, прежде чем вежливо сообщить обитателям кубрика, что отведенное им время истекло. Но Берс уже вышел, Энтони как раз пересекал порог, а Млокен-Стив отчаянным прыжком пристроился ему в затылок.

В спортзале было холодно. Энтони и Млокен-Стив, стоя в строю в ожидании инструктора, ежились, и даже у Берса кожа кое-где пошла мурашками. Старина Сампей, ожидая, пока они переоденутся, уже довел длину выхлопа до стандартной величины, поэтому ему было наплевать на температуру с внешней стороны тела. Млокен-Стив с любопытством оглядывался: последний раз они были в спортзале довольно давно, когда сдавали тесты на допуск. Тогда он был пуст и гол, а все тренажеры, кроме локальной зоны переменной гравитации, отключены и зачехлены. Но сейчас спортзал предстал перед ними во всей красе.

Штатный инструктор, здоровенный флотский старшина с бычьей шеей, окинул их скептическим взглядом и, уткнувшись в их личные карточки, тут же изувечил лицо удивленной гримасой.

– Что это за муть вам здесь написали? – Он поднял глаза, окинул куций строй настороженным взглядом и скривился: – И меня хотят убедить, что эти полтора доходяг выдали на тестировании подобные результаты? Скорее, моя мать была горноматкой. Пронт определенно спятил.

Старшина Пронт был тем, кто проводил их тестирование на первоначальный допуск. Он тоже заставил их трижды пройти тесты и сразу после этого откачал из их организмов по лиру разной дряни вроде крови, мочи, слюны и всего такого прочего, но в конце концов глупо хихикнул и вписал в карточки самые низкие результаты из получившихся за три попытки. Инструктор еще раз покрутил в руках карточки, потом хмыкнул и ослабил:

– В зону переменной гравитации, живо!

Спустя полчаса он уже не был столь уверен в своем происхождении. Когда взмыленная тройка выползла из зоны переменной гравитации, он окинул их заинтересованным взглядом и, молча помусолив карточки, приказал уже гораздо более спокойным тоном:

– Сейчас в «кувыркалку», а сразу после нее на «два креста». С утра не завтракали? Ну смотрите. Если кто блеванет – будете драить тренажеры до следующего рассвета.

Когда они, шатаясь, слезли с «двух крестов», инструктор уже смотрел на них более уважительно. А рядом со старшиной торчал сам старина Сампей, который в начале тестирования принял форму одного из кресел, привинченных к полу за пультом управления тренажерами, и всем своим видом показывал, что не собирается оттуда выбираться до самого конца.

– Какая гравитация у вас на планете, курсант? – обратился он к Берсу.

Тот мгновение помедлил, бросил взгляд на Энтони и нехотя ответил:

– Один – семьдесят семь стандартной, лэр.

Коммандер-капитан удивленно уставился на них:

– Что-о-о?.. И какому идиоту пришло в голову основывать колонию на планете с такой силой тяжести? Вам же надо вбухивать дикие средства на специальное мед-обслуживание, чтобы обеспечивать продолжительность жизни больше семидесяти – восьмидесяти лет.

Земляне молча переглянулись. Старина Сампей ухмыльнулся:

– Похоже, вы с бывшей тюрьмы, ребята. – Он покачал головой и добродушно (это старина Сампей-то!) кивнул головой. – За мной, курсанты, сейчас посмотрим, на что вы действительно годитесь.

И они двинулись за ним, прямо в зал для игры в бол. Никто из них не мог даже предположить, насколько далеко заведет их этот маршрут. Даже Берс, хотя его эта дорога должна была завести намного дальше, чем остальных.

3

Млокен-Стив отхлебнул кислого светлого пива, основным достоинством которого была его крайняя дешевизна, и, поставив пластиковую кружку на стойку, произнес:

– Х-х-хорошо.

Энтони кивнул, а Берс молча пожал плечами.

Сегодня они впервые за два месяца покинули территорию школы. Несмотря на то что они числились курсантами второго года обучения и, согласно правилам, имели право не только на регулярные увольнения по выходным, но и на выход в город в свободное от занятий время, все остальное население комплекса зданий за стандартным для имперских учреждений силовым ограждением, именуемого Танакийской его императорского величества высшей школой пилотов, единодушно считало, что у этих тупых варваров никаких прав нет и быть не может. Тем более что они не прошли этапа «без вины виноватых», как здесь почетно именовали курсантов первого года обучения. Так что это увольнение досталось им в основном благодаря милости старины Сампея, которого после первых же тренировок в отношении их охватил приступ повышенного внимания. Он даже явился на одну из тренировок с выхлопом, который можно было уловить, только придвинувшись вплотную. Этот факт был столь из ряда вон выходящим, что чуть не сорвал занятия, поскольку каждый присутствующий курсант норовил насладиться возможностью просто пройти мимо старины Сампея и не быть выданным как самка горноматки в период течки.

– Нет, хорошо, – и Млокен-Стив снова присосался к кружке. Энтони усмехнулся, а Берс молча сделал глоток, бросил в рот пару маленьких соленых сухариков и принялся их тщательно пережевывать. Млокен-Стив наконец оторвался от опустевшей кружки, с грохотом поставил ее на стол и, улыбаясь, обвел взглядом темный зал, потолок которого был плотно закрыт густым пологом дыма от курительных палочек. Весь зал был плотно забит особями мужского и женского пола. Среди последних встречались очень интересные экземпляры, которые тут же привлекли внимание Стива. Он отодвинул кружку, негромко рыгнул, избавляясь от излишних газов, и громко провозгласил:

– Теперь пора заняться делом.

Энтони тут же слегка подначил:

– Ну да поможет тебе святой Валентин.

Млокен-Стив окинул его подозрительным взглядом, но невинные глаза Энтони были способны развеять любые подозрения даже у старины Сампея, и он расслабился и, повернувшись к залу, возгласил:

– А займусь-ка я вон той беленькой. – После чего встал, оправил курсантскую выходную форму, в которую сегодня упаковался впервые в жизни, и решительно двинулся к кучке хохочущих девиц, расположившихся в противоположном конце зала у самого подиума.

Берс проводил его равнодушным взглядом и повернулся к Энтони:

– Может, сходим в информаторий космопорта?

Энтони покачал головой:

– Ох, Берс, ты можешь хоть на один день отвлечься от остервенелого добывания новой информации? У нас сегодня УВОЛЬНЕНИЕ.

Берс поджал губы, но ничего не сказал. Они еще некоторое время молча сидели, прихлебывая пиво и наблюдая за тем, как Млокен-Стив пушит перья перед симпатичной пухленькой блондиночкой, потом Берс вдруг слегка качнулся вперед и негромко произнес:

– Через пару минут его начнут бить.

Энтони несколько не был шокирован подобным заявлением. Несмотря на то что оно прозвучало на фоне достаточно безмятежной атмосферы, царившей в зале. Они уже успели при-

выкнуть к тому, что подобные заведения, на какой бы планете империи они ни располагались, отличала доведенная до совершенства способность мгновенно взрываться массовой дракой и столь же молниеносно затихать. Он просто развернулся и стал внимательно осматривать зал.

– Не вижу никаких признаков.

Берс пожал плечами, как бы говоря, что он ничем не может помочь, встал, бросил в рот еще пару сухариков и двинулся через зал в сторону Стива. Он успел как раз вовремя, чтобы перехватить руку с бутылкой, которая уже почти коснулась стриженного затылка Стива. Берс чуть сжал руку, заставив бутылку упасть на грязноватый пол, а хозяина руки со стоном рухнуть туда же, чуть повернулся и, выставив вперед ладонь, поймал кулак еще одного нападающего. Поворотом кисти он заставил это неосмотрительно ввязавшееся в драку лицо издать дикий вопль и, слегка дернув того за руку, приземлил его рядом с первым. Третий нападавший, уже выхвативший нож, оторопело уставился на своих приятелей, тупо переводя взгляд с первого на второго, а потом испуганно уставился на Берса. Тот окинул его спокойным взглядом и негромко приказал:

– Брось нож.

Тип ошарашенно хлопнул глазами, дернул головой вниз и, обнаружив в руках нож, про который он уже успел позабыть, торопливо разжал руку, будто черная пластиковая рукоятка обожгла ему пальцы. Берс спокойно развернулся и направился к своему столику. Ему было совершенно ясно, что все проблемы исчерпаны. Зал, в котором на время потасовки установилась тишина, снова заполнил гомон голосов. Таких потасовок за вечер случалось немало, тем более что в этой никто серьезно не пострадал, так что спустя пару минут о ней все забыли.

Млокен-Стив появился у столика спустя несколько минут. Его сопровождал целый выводок девиц разных размеров, окрасов и габаритов.

– Вот, девочки, это и есть наш великий воин Берс. Если вам когда-нибудь будет нужно начистить рожу кому-либо, обращайтесь в фирму «Берс инкорпорейтед». Низкие цены, гарантия, широкий выбор!

Берс молча окинул его равнодушным взглядом и спокойно произнес:

– Балаболка.

Млокен-Стив, усмехнувшись, кивнул:

– Это верно, из-за этого я девочкам и нравлюсь. Так, девочки?

Те захихикали, а Стив повернулся к Берсу:

– Ладно, гроза припортовых бандитов и тупых поклонников всеобщего единения в машинном разуме, почему бы тебе не кончить изображать из себя католического падре и не посвятить этот вечер общению со столь приятными созданиями? Тем более что они так хотят с тобой познакомиться.

Берс окинул Стива взглядом, каким нормальные люди смотрят на прицепившихся к ним недоумков, и коротко бросил:

– Достал. – После чего молча поднялся и, кивнув Энтони, двинулся в сторону выхода.

Млокен-Стив вздохнул, потом повернулся к девушкам и развел руками:

– Прошу прощения, фокус не удался. Но не отчаивайтесь, ведь я весь в вашем распоряжении.

В кубрике он появился только на рассвете.

К исходу месяца старина Сампей рискнул включить их в основной состав. Выглядело это чрезвычайно впечатляюще. Он построил команду, вывел их перед строем и, срыгнув газы, которые, судя по силе аромата, копились у него в желудке как минимум с начала учебного года, обвел строй мутноватым взглядом и прорычал:

– Ну вы, полудурки, в конце недели у нас матч с Ортенийской школой техников. – Он сделал паузу, постаравшись придать своему взгляду некоторую долю проницательности, но потом осознал, что это находится за пределами его возможностей, и решил не усложнять. –

Я знаю, что главной причиной того, что вы торчите в команде, является желание покататься за казенный счет и набить желудки спортивным пайком. Но на этот раз, если вы проиграете, я порву вам задницы крест-накрест и вышибу вас из команды та-а-аким пинком, что о тот блин, который у вас останется на месте ягодиц, будут ломаться все иглы, которыми вам будут пытаться вколоть обезболивающее. – Он запнулся, снова рыгнул и взревел: – Ясно?

– Лэр, да, лэр! – взревел строй в ответ.

– То-то. – Он перевел дух и ткнул растопыренной пятерней в сторону землян. – Ну и посмотрим, на что способны эти... – Он слегка запнулся, бросил настороженный взгляд в сторону Берса, но тут же поймал себя на этом, побагровел и яростно закончил: – Помеси горноматки и куфлона.

Строй на мгновение затаил дыхание, а потом грохнул. Старина Сампей нечасто баловал окружающих свежими мыслями, поэтому столь выразительная характеристика привела в восторг всех присутствующих. Но Берс слегка раздвинул веки и обвел строй ледяным взглядом. Смех быстро увял. Этого худого варвара, который вроде бы ничего особенного не совершал, уже знала вся школа. И с ним предпочитали не связываться.

За день до выезда Энтони и Млокен-Стив наконец спихнули зачет по прочностным расчетам, а Берс с налету сдал еще два, и перед ним забрезжила перспектива экстерната за второй курс. Млокен-Стив недоуменно пожал плечами:

– И кому это надо? И так и так диплом дадут.

Берс, который уже сидел перед экраном переносного компьютера и мучил очередную схему, окинул его спокойным взглядом и равнодушно ответил:

– Кому нужен диплом?

– Тем более, – фыркнул Стив.

Берс несколько мгновений помолчал, а потом пояснил:

– Мне нужен допуск «А».

Млокен-Стив недоуменно уставился на него:

– А это что такое?

На помощь пришел Энтони:

– Это допуск на право обучения управлению кораблем с массой покоя выше ста тысяч тонн. А подать прошение на его получение можно только после сдачи тестов и экзаменов по программе обучения третьего курса.

Млокен-Стив быстро обдумал услышанное. Они прибыли на Танаку именно для того, чтобы научиться управлять подобными кораблями, поскольку, несмотря на имеющиеся производственные мощности, военный флот Земли по-прежнему состоял только из внутрисистемных перехватчиков. За исключением Мерилин. Но она была не в счет. Для более крупных кораблей не было обученного персонала, а доверять управляющим Контролерам кораблей канскебронов, так же как Мерилин и Бродяге, на котором они прибыли на Таварр, земляне пока не могли, поэтому Стив пожал плечами и смущенно пробурчал:

– Ну, я не такой умный, чтобы прыгать через ступеньки.

На что Энтони ехидно ответил:

– Скорее, ты сильно занятый.

Млокен-Стив бросил на него недоуменный взгляд, потом, когда до него дошло, что тот имеет в виду, смущенно хмыкнул, но в конце концов не выдержал и расхохотался во весь голос. Отсмеявшись, он махнул рукой и заявил:

– У каждого свои недостатки. Кстати, вы зря, девочки все время про вас спрашивают. Этот тип, – он кивнул в сторону Берса, – произвел на них неизгладимое впечатление. Этаким герой вестернов времен начала планетной колонизации. Холодный взгляд, неподвижная нижняя челюсть, вот только, – он ехидно улыбнулся, – фигура немножко подкачала. Но они готовы закрыть на это глаза.

Энтони вздохнул и закатил глаза.

На матч они вылетели рано утром. Ортенийская школа техников располагалась на противоположной стороне планеты, поэтому пришлось воспользоваться школьным стратосферником, но и на нем перелет занял почти полтора часа. На обратной стороне был уже вечер, и до матча оставалось всего два часа. Стратосферник приземлился на летном поле соседнего коммерческого космопорта, команда гостей выбралась наружу, погрузилась в грузопассажирский боллерт хозяев и направилась в тренажерный комплекс.

Ортенийская школа техников была создана чуть ли не на сто лет позже Танакийской школы пилотов, и к ее созданию подошли весьма тщательно. Может, поэтому, а может, еще по какой-то другой причине, но Ортенийская школа техников ничем не повторила судьбу Танакийской. Это было престижнейшее учебное заведение, в столовой которой частенько можно было увидеть светловолосые головы отпрысков благородных аристократических родов. А что касается спортивных успехов, то ортенийцы никогда не опускались ниже середины таблицы и даже трижды за свою историю пробивались в финальный дивизион. Правда, лучшим их результатом было восьмое место, но, во всяком случае, у них были все основания считать, что танакийцы им не помеха.

Разминка началась с обычных воплей старины Сампей, что он всем задницы накрест порвет. Стоящий рядом с землянами игрок-старшекурсник усмехнулся и, покровительственно кивнув им, прокомментировал:

– Не тряситесь, он перед игрой всегда так орет. Но к концу игры так наклюкается, что придется в стратосферник на руках волочь. Так что, даже если нам надерут задницу с совсем страшным счетом, ничего не будет. – Он поморщился и добавил: – Кроме, возможно, блевотины по всему стратосфернику.

Берс несколько мгновений рассматривал разминавшуюся в дальнем конце поля команду ортенийцев, гудящие трибуны, забитые народом. Чемпионат флота всегда пользовался бешеным успехом среди фанатов бола. Возможно, как раз тем, что здесь, в отличие от коммерческих чемпионатов, практически не бывало договорных игр. И негромко произнес:

– Сегодня не будет ни первого, ни второго.

– Чего? – не понял старшекурсник.

– Сегодня не напьется старина Сампей и мы не проиграем матч.

Старшекурсник растянул губы в скептической улыбке и уже раскрыл было рот для ехидного ответа, но потом, будто что-то поняв, замер, уставившись в зрачки Берса, закрыл рот и медленно кивнул.

Игра началась стремительной атакой ортенийцев. Они молниеносно просочились на внутренний квадрат танакийцев, вскрыв их оборону как консервный нож банку с оливками, ловко, в одно касание передали мяч бросающему, и тот спокойно, даже с некоторой ленцой вколотил мяч красивым броском. Трибуны взорвались восторженным слитным воплем. Ортенийцы исподтишка показали соперникам «пенц» и, откатившись назад, тут же провели еще одну успешную атаку. Но на этом их везение закончилось. Во время следующей атаки Берс в невероятном прыжке снял двумя пальцами мяч с ладони нападающего и, стремительно проломив «стенку» из двух «топперов», не столь изящно, как нападающий ортенийцев, но не менее точно вколотил мяч в кольцо соперников. Не сделав ни единого жеста, вернулся на свое поле, кивнул Стиву и, дождавшись гонга, повторил все еще раз.

К началу последнего тайма разрыв составлял уже почти сорок очков в пользу танакийцев. И почти половину всех мячей заколотили земляне. Сорок два Берс и семнадцать Млокен-Стив. Энтони пока маялся на скамейке запасных. Старина Сампей, который обычно к этому времени добирал до нормы в буфете, на этот раз висел на ограждении площадки и что-то возбужденно орал по поводу задниц ортенийцев. Трибуны пребывали в некоторой растерянности. Никто не понимал, что же происходит на поле, а на голоэкран, на котором высвечивался счет,

никто вообще старался не смотреть. Ортенийцы впали в панику. За все время существования школы и соответственно участия во флотском чемпионате они никогда не опускались ниже второй пятерки, а после подобного разгрома даже становился проблематичным вообще выход в финальный круг. Снова прозвенел судейский гонг. И команды начали схватку за бол. На этот раз Млокен-Стив не сразу ринулся в бой, а дождался, пока бол не взмоет над свалкой, и отчаянным прыжком достал его кончиками пальцев. Берс уже был наготове. Аккуратно подхватив мяч на ладонь, он качнулся вперед и, классическим жестом вытянув руку перед собой, ринулся в зону противника. И тут случилось нечто неожиданное. Трое ортенийских «топперов», разозленные разгромом, ринулись наперерез Берсу. Млокен-Стив, который, пролетев над свалкой, шмякнулся на пол и не-удачно рассадил коленку, в данный момент, прихрамывая, мчался за Берсом, случайно скользнул взглядом по их перекошенным лицам и похолодел. Ортенийцы, судя по их горящим глазам и вздернутым подбородкам, собирались как минимум устроить танакийскому выскочке плотную «коробочку». А как рассказывали в раздевалке, чаще всего для игрока это кончалось носимым регенератором, а некоторых приходилось даже засовывать в капсулу целиком. Но самым страшным было не это. Судя по выражению лица Берса, тот был на пороге транса, и если те ребята попытаются его прижать... Млокен-Стив на мгновение зажмурил глаза, вспомнив все, что у них шепотом говорили о берсерках, а потом с диким ревом ринулся вперед, всем своим видом показывая, что он полностью наплевал на правила и рвется хорошенько подраться, изо всех сил стараясь отвлечь на себя внимание «топперов». Но те были слишком опытными игроками, чтобы купиться на такую глупую провокацию. Не успел Млокен-Стив сделать и трех шагов, как первый из «топперов» повалился на бок и подкатился под ноги Берсу. Млокен-Стив зажмурил глаза и помчался быстрее. Спустя мгновение послышался дикий рев трибун, под ноги Стиву подкатился какой-то идиот, он споткнулся, суматошно дернул ногами, засветив в бок идиоту левой ступней, и со всего размаху впечатался головой в гладкую поверхность игрового поля.

Когда Млокен-Стив пришел в себя, игра уже кончилась. Он лежал в раздевалке. За ближайшей стеной раздавались звуки гимна Лиги любительского бола, а прямо перед носом маячила чья-то спина. Млокен-Стив несколько мгновений прислушивался к происходящему, а потом облегченно вздохнул. То ли его отчаянный рывок не пропал зря, то ли по каким еще причинам, но игра, слава богу, видимо, кончилась нормально. Вряд ли организаторы завершили игру ритуальным исполнением гимна, если бы Берс перебил команду противника. Млокен-Стив слегка успокоился и попытался подняться. Но стоило ему только чуть-чуть пошевелить головой, как виски пронзила столь острая боль, что он не выдержал и застонал. Спина, маячившая перед ним, повернулась, и оказалось, что это Энтони. Млокен-Стив немного полежал, дожидаясь, пока в голове не умолкнет звон колокольчиков, потом спросил:

– Берс... не того?

Энтони усмехнулся:

– Ну вот, я же говорил, что на твоём черепе можно орехи колоть, а они волновались. – Он присел на корточки рядом с лавкой, на которой лежал Стив. – С Берсом все в порядке. – Он покачал головой. – После того как он прищучил троих «топперов», ортенийцев, их тренер не нашел ничего более умного, как заявить протест по поводу неспровоцированного насилия.

Млокен-Стив фыркнул. Полный идиотизм! Бол всегда был жесткой игрой, и у любого болиста, как и у большинства болельщиков, всегда ценилось не только игровое мастерство, но еще и умение держать удары и оставаться в форме. Даже формулировка «неспровоцированное насилие» не возникла в процессе совершенствования игры, а была внесена в правила по требованию Лиги против насилия в спорте. Видимо, тренер ортенийцев пребывал в полной панике, поскольку подобный протест по неписанным правилам считался неспортивным поведением и с большой долей вероятности мог изменить симпатии болельщиков. Умеешь играть – играй, а нет – проигрывай и не путайся под ногами со всякой фигней.

– И что?

Энтони хохотнул:

– Тренеру чуть не набила морду собственная команда, а трибуны просто разрывались от свиста. К тому же когда приступили к официальному разбору, Берс разжал зубы и попросил провести траекторно-кинематический анализ. – Тут он не выдержал и заржал. Млокен-Стив тупо смотрел на него, не представляя, что же в этом смешного. Успокоившись, Энтони продолжил: – Представь! Игровой компьютер показал, что если бы эти придурки не стали хватать его за ноги, то траектория движения его коленки, локтя и макушки прошла бы мимо их дурных голов. То есть получилось, что они сами себе разбили головы! Нет, ну какво, а!

Млокен-Стив почувствовал, что уже может сделать попытку встать, и, приподнявшись, оглядел раздевалку.

– А где все?

Энтони пожал плечами:

– Берса объявили лучшим игроком месяца, и сейчас ему вручают синюю майку. Так что вся команда там. А меня попросили посидеть с тобой. Я же все равно просидел всю игру на скамейке запасных.

Млокен-Стив помолчал, потом осторожно приподнялся на руках и сел на лавке. Потряс головой, вздохнул:

– Интересно заканчивается наша первая игра. Ты на скамейке запасных, Берс на вершине, а я валяюсь с разбитой башкой. Боюсь, как бы это не стало традицией.

Энтони пожал плечами:

– Ты жив, я жив, Берс жив. Почему бы и нет?

И кто мог предположить, что они оба оказались правы.

4

Худой до болезненной костлявости человек в форме систем-командера, сидящий за столом секретаря, приподнял подбородок и, окинув его равнодушным, но цепким взглядом, хмуρο спросил:

– Курсант Реорок?

Берс слегка поднапряг левую ногу и ответил несколько более уважительно, чем обычно делал это с офицерами школы:

– Лэр, да, лэр.

Тот кивнул и, выпростав из левого рукава биопротез, заметно отличающийся от другой, настоящей руки, покрытой коричневым космозагаром, своей более белой кожей, нажал несколько кнопок и тем же спокойным тоном произнес:

– Проходите.

Среди курсантов ходили слухи о том, что адъютант начальника школы когда-то, много лет назад, был лихим пилотом внутрисистемного перехватчика и ведомым самого адмирала, который тогда, естественно, еще не был адмиралом. О том времени в курсантской среде ходило много историй. В одной из пограничных стычек будущий систем-командер спас жизнь будущему адмиралу, но когда адмирал ушел на повышение, а сам систем-командер вырос до своего нынешнего звания, то в очередной стычке он попал под бортовой залп рейдера канскебронов. Когда через месяца полтора один из рейсовых коммерческих почтовиков, совершающих нерегулярные рейсы между приграничными планетами, наткнулся на холодный обломок пилотской кабины с заледеневшим пилотом внутри, то никто не верил, что *это* сможет выжить. Однако он выжил. Хотя то, что от него осталось, можно было назвать человеком с большой натяжкой. У систем-командера было отморожено все, что можно было отморозить, причем если восстановление кожи, костей, соединительной и мышечной ткани для современной медицины не составляло особого труда, то с нервными волокнами все было не так просто. А у систем-командера не только полностью атрофировалась периферийная нервная система, но и почти разрушились управляющие участки в мозге. Однако адмирал, через десятки руки узнав о беде своего бывшего ведомого, примчался в полуразвалившийся полевой госпиталь в захолустной пограничной колонии, куда систем-командера заткнули доживать последние месяцы, и вывез его на Танаку. После года ужасно дорогого лечения управляющие центры в мозгу восстановились настолько, что появилась возможность регенерировать одну руку, а к остальным конечностям приживить совершенные биопротезы. С тех пор вот уже на протяжении многих лет день в Танакийской его императорского величества высшей школе пилотов начинался с того, что перед самым подъемом худая, нескладная фигура систем-командера неровной, дергающейся походкой преодолевала КПП и, с трудом поднявшись по лестнице (систем-командер почему-то никогда не пользовался лифтом) на шестой этаж административного корпуса, занимала свое место за столом в приемной адмирала.

Берс вскинул руку, отдавая честь, и шагнул к высокой резной двери, перед которой, по слухам, рыдал от восторга куратор школы из департамента двора и традиций.

Кабинет начальника школы полного адмирала Эсмиера оказался неожиданно небольшим. Берс сделал еще шаг вперед и остановился, вытянув руки по швам. Подбородок слегка вздернут, живот втянут, глаза устремлены в вечность и одновременно сфокусированы на переносице начальника школы. Начальник комплекса тренажеров, командер-капитан Сатромай, который и был виновником появления Берса в этом кабинете и в данный момент тупо нависал над столом с левой стороны, ткнул в его сторону растопыренной пятерней, грозно оскалился и просипел:

– Вот этот ублюдок.

Адмирал Эсмиер чуть скосил глаза, и этого было достаточно, чтобы командер-капитан заткнулся и смиренно сложил ручки на своем объемном животе. Начальник школы снова перевел взгляд на Берса и, разлепив губы, аккуратно уложенные в высокомерную складочку, негромко приказал:

– Докладывайте, курсант.

Берс четко склонил голову в утвердительном поклоне и начал говорить, чеканя слова:

– Лэр, есть, лэр. Курсант Рюрик. Второй курс, седьмая группа, личный номер ОУ-231. Тренировка учебного боя на внутрисистемном перехватчике с групповой целью. Задание выполнено, цели уничтожены. Лэр, курсант Рюрик доклад закончил, лэр.

– Ах ты... – Командер-капитан аж задохнулся от такой наглости, но, поймав холодный взгляд адмирала, счел за лучшее остаться со своим возмущением один на один.

Адмирал снова разлепил губы и тихо спросил:

– Что вы сделали с тренажером?

– Лэр, оторвал потолочный поручень, лэр.

Начальник школы элегантно вздернул бровь, обозначая удивление. А Сатромай не выдержал и прошипел:

– Оторвал... Выворотил с мясом вместе с плафоном и половиной потолка.

Адмирал снова недовольно сдвинул брови, но с командер-капитаном можно было разобратся и позже. Сейчас его больше интересовал курсант.

– Зачем?

– Лэр, имитировал поражение перехватчика, лэр.

Адмирал повторил жест бровью, и Берс счел это за приказание слегка углубиться в подробности.

– Лэр, при несанкционированных колебаниях перехватчика стандартная программа управления оружием, которую применял противник, расценивает его как пораженную цель. Сразу после первого огневого контакта я начал раскачивать свой корабль, и БИУСы противника зафиксировали поражение. После чего оставалось дожидаться «дистанции одного залпа» и... повторить все это три раза.

Адмирал несколько мгновений рассматривал худую, нескладную фигуру, одетую в имитатор полетного комбинезона, потом медленно откинулся на спинку кресла. Он, в отличие от достаточно большого числа офицеров школы, сам был неплохим пилотом и сразу уловил смысл того, о чем говорил этот курсант. Раскачав перехватчик, курсант заставил БИУСы противника прекратить его отслеживание как боевой цели, после чего он приблизился на «дистанцию одного залпа», которая называлась так потому, что на такой дистанции противники успевали сделать только один выстрел из бортовых огневых средств, всадил полный залп в первого врага. Естественно, БИУСы оставшихся противников тут же перевели стреляющую цель в боевую, но он тут же принялся вновь раскачивать корабль, и история повторилась. Конечно, реальных пилотов сложно было обмануть так более одного раза, но на имитаторе противником выступала компьютерная программа, а она, несмотря на все свое совершенство и способность самообучения, все-таки была всего лишь программой.

– Откуда вы узнали о вероятности подобной реакции данной программы?

– Я прочитал ее, лэр.

– Вы разбираетесь в программировании?

– Немного, лэр.

– Где вы этому научились?

– Мы два года проучились в Семберийской школе коммерческих пилотов, лэр.

Начальник школы скептически поджал губы. Того, что преподавалось в школах коммерческих пилотов, вряд ли могло хватить на ручное программирование даже меж-орбитальных

околопланетных перелетов, не говоря уж о возможности разобраться в настоящей прикладной боевой программе. А потому Берс счел за лучшее пояснить:

– Я много занимался сам, лэр.

Адмирал медленно кивнул и задумался. Командер-капитан Сампей докладывал ему, что трое варваров, навязанных школе департаментом колонизации, достаточно успешно справляются с программой обучения, но подобное...

– Индексы противников?

– К-9, Т-9, У-8, лэр, – отчеканил Берс.

Адмирал прикрыл веки – это были противники высшей категории сложности.

– Ваш коэффициент потерь?

– Лэр, Z-0,3, лэр.

Адмирал вновь удивленно вскинул бровь, потом едва заметно искривил губы в некоем подобии улыбки.

– То есть... поручень?

– Лэр, да, лэр.

– Вы хотите сказать, что они вас ни разу даже не задели?

– Лэр, да, лэр.

В кабинете установилась тишина. Начальник школы переваривал услышанное, а начальник комплекса, со скрипом ворочая своими угловатыми мозгами, медленно дозревал до мысли, что этот курсант явно совершил нечто более важное, чем поломанный поручень.

– Какой у вас рейтинг по этому тренажеру?

– Лэр?..

Адмирал нахмурился. Похоже, этот парень более бестолков, чем ему показалось на первый взгляд.

– Сводный коэффициент по всем тренировкам?

– Это моя первая тренировка на тренажере-имитаторе внутрисистемного перехватчика, лэр.

Начальник школы от неожиданности даже разинул рот, но только на мгновение. Он тут же опомнился и, с некоторым напряжением стерев с лица изумленное выражение, кивнул:

– Ах да, вы же, наверное, только получили допуск к самостоятельным тренировкам. – Он замолчал и стал пристально разглядывать курсанта, потом повернулся к командер-капитану. Его взгляд предельно ясно не обещал тому ничего хорошего. – Тогда почему ему были запланированы противники со столь высоким коэффициентом?

Командер-капитан попытался изобразить из себя человека, не имеющего никакого отношения к заданному вопросу, а когда понял, что не получилось, – выдал что-то невразумительное. Адмирал брезгливо поджал губы и, дабы не развращать курсанта таким зрелищем, повернулся в сторону Берса и кивнул ему в сторону двери, сопроводив многообещающим напутствием:

– Идите, курсант, я лично буду присутствовать на вашей следующей тренировке. – После чего изогнул бровь совсем уже невероятным образом, что, по-видимому, должно было обозначать крайнюю степень недовольства, и повернулся к командер-капитану.

Когда тяжелая резная дверь мягко захлопнулась за спиной Берса, систем-командер поднял голову от стола и посмотрел на него. Пару мгновений они смотрели друг другу в глаза, потом лицо систем-командера дрогнуло и губы слегка растянулись в стороны. Берс почувствовал удивление. Этот человек, от которого, по существу, осталась только меньшая половина и жизнь которого представлялась еще довольно молодому парню одним сплошным ужасом, по какой-то причине улыбнулся ему... Какое-то время они продолжали молча смотреть друг на друга, потом Берс неожиданно для себя шагнул вперед и спросил:

– Простите, лэр, разрешите задать вопрос?

Тот кивнул:

– Спрашивайте, курсант.

– Вас подбили потому, что вы что-то не просчитали или...

Систем-коммандер убрал с лица свою странную улыбку и задумался. Потом нервно качнул головой из стороны в сторону:

– Нет. Мы знали, что обречены. Просто... Бывают моменты, когда легче умереть, чем отступить. Поэтому идешь вперед и надеешься на чудо. – Он помолчал и тихо добавил: – Надеюсь, что вам никогда не придется попадать в такую ситуацию.

Берс медленно кивнул, потом четко отдал честь и, резко повернувшись, вышел из приемной. Пожалуй, если в этой империи и есть такие люди, для нее еще не все потеряно. Адъютант адмирала не знал, что этот худой, нескладный курсант, как и вся его планета, уже много лет жили в такой же ситуации. Они пока еще держались на загривке подобного чуда, но им всем приходилось напрягаться изо всех сил, чтобы оттуда не рухнуть.

Несмотря на то что тренировки уже давно закончились, все, кто в этот день был на занятиях в тренажерном комплексе, не расходились, ожидая Берса. Его результат уже стал сенсацией. Группа, в которую сегодня утром включили землян, ждала его у входа в тренажерный комплекс. Более того, после того как начальник тренажерного комплекса коммандер-капитан Сатромай, известный всей школе под кличкой Бурундук (он получил ее за устойчивую привычку тащить в тренажерный комплекс и распахивать по его многочисленным кладовкам кучи всякого мусора, а также ревностное внимание к столь важным для работы тренажеров вопросам, как натирание до блеска поручней, заклепок и ручек), которого, естественно, поступок Берса поразил до глубины души, уволок того к адмиралу, у комплекса тут же начала собираться толпа. Поэтому, когда землянин спустился вниз и вышел из дверей административного корпуса, его встретил возбужденный гул голосов. Первым к нему подскочил Млокен-Стив:

– Ну что?

Берс обвел спокойным взглядом множество устремленных на него глаз и спокойно ответил:

– Адмирал сказал, что на следующей моей тренировке он будет присутствовать лично.

Гул толпы тут же подскочил на несколько децибел. Адмирала в школе уважали. Берса тут же забросали тучей вопросов, но он молча скривился и спокойно двинулся сквозь толпу, которая мгновенно расступалась перед ним. После матча с ортенийцами его знала каждая собака в школе, ну а теперь он вошел в число живых легенд. Еще бы! После сегодняшнего боя компьютер чуть не сломал свои электронные мозги, разбираясь с оценкой его действий, а потом на экране высветилась цифра 93 с несколькими девятками после запятой. Такого коэффициента эффективности не мог припомнить даже дядюшка Стомер, бывший старшина-инструктор тренажерного комплекса, а сейчас почетный пенсионер и нештатный глава могущественной гильдии школьных стюардов. А уж он-то отдал школе как минимум сорок пять лет. Да и центральный компьютер комплекса смог разыскать в архиве только семнадцать из нескольких миллионов боев, которые имели коэффициент выше девяноста.

Весь вечер в школе только и говорили о невероятной удаче варвара, но, поскольку тот показал себя классным нападающим и перед школьной командой по болу замаячили перспективы покинуть «почетное» последнее место, которое она с переменным успехом удерживала уже пятнадцать лет, подобный результат большинство восприняло благосклонно, а некоторые даже с восторгом. Хотя если бы не эти факторы, то, скорее всего, подобного варвару ни за что бы не простили. А перед самым отбоем в кубрик землян приволоклась целая толпа поклонников и зевак, желающих воочию увидеть живую легенду. Однако их ждало разочарование. Берс, которому за вечер дико осточертела суэта вокруг него, наконец уступил длительным просьбам Стива и вместе с ним слинял в город. Так что делегацию пришлось принимать Энтони, который интересовал всех намного меньше, поскольку во время игры с ортенийцами даже не

вышел на поле да и на тренажерах имел хотя и очень неплохой, но на фоне сенсации земляка совершенно невыдающийся результат.

К полуночи поклонники разошлись. Берс, которому сильно не понравился весь этот ажиотаж, отреагировал на него в своей обычной манере. Появившись в кубрике поздно ночью, он молча выслушал рассказ Энтони о том, что творилось в его отсутствие, и, слегка скривившись, подвел итог:

– Надо было остановиться после первого.

Млокен-Стив, которому вся эта кутерьма принесла только пользу, поскольку он наконец смог затащить Берса на вечеринку к своим новым приятелям, вследствие чего его авторитет в той компании мгновенно резко возрос, не сразу понял, о чем тот ведет речь, и несколько недоуменно уставился на Берса. Но Энтони, как всегда, понял все. Проводив взглядом Берса, который, закутавшись в халат и намотав на голову полотенце, двинулся в душ, он наткнулся на озадаченную физиономию Стива и по привычке пояснил:

– Он говорит, что вполне достаточно было сбить только одного противника. Чтобы проверить идею. Тогда не было бы всей этой суеты.

Млокен-Стив понимающе кивнул и фыркнул:

– Ну я бы, честно говоря, от чего-либо подобного не отказался.

Энтони устало пожал плечами и ничего не сказал. Их сосед по кубрику был еще очень юн, что, конечно, вряд ли можно было считать недостатком, но временами несколько раздражало.

В следующий раз Берс появился в тренажерном комплексе спустя два дня. Несмотря на то что основные восторги уже улеглись, с раннего утра в «предбаннике» тренажерного комплекса толпился народ. Когда Берс увидел, сколько человек пришло посмотреть на его работу, то повернулся в сторону Энтони и скорчил такую рожу, что тот расхохотался, а Млокен-Стив хлопнул его по плечу и торжественно произнес:

– Тяжело ты, бремя славы.

Берс молча набычил голову и, быстро протолкнувшись среди расступающейся толпы, добрался до назначенной кабины. Народ бросился к просмотровым мониторам. Все жаждали стать свидетелями нового триумфа. Однако, несмотря на то что на этот раз коэффициенты противников были значительно ниже предыдущих, все закончилось достаточно быстро и без особых сенсаций. Берсу досталась групповая схватка. Он, оторвавшись от своей группы, успел в одиночных столкновениях снять двоих, прежде чем компьютер повесил ему на хвост сразу три вражеские машины. Все ждали чуда, но оно не произошло. Берсу удалось слегка повредить две машины противника, после чего его закономерно вывели в аут. В «предбаннике» раздался разочарованный гул. А когда над дверью кабины зажглись баллы, выставленные машиной, многие почувствовали себя обманутыми. После легендарных девяносто трех цифра семьдесят семь казалась насмешкой. Разочарование присутствующих было столь велико, что никто не заметил, как из дверей дальней пультовой вышел сам начальник школы и, ловко взбежав по лестнице, быстро исчез на верхней галерее. И его лицо было вовсе не разочарованным, а скорее задумчивым.

После обеда Берса вызвали к адмиралу. Быстро поднявшись на шестой этаж административного корпуса, он появился в уже знакомой приемной и, вскинув руку во флотском салюте, уже набрал воздух в грудь, чтобы доложить о себе. Но систем-коммандер остановил доклад и молча кивнул в сторону кабинета начальника.

Адмирал Эсмиер, как и в прошлый раз, сидел за столом, заваленным распечатками, и задумчиво рассматривал что-то, изображенное на экране компьютера. Когда Берс четко доложил о прибытии, адмирал кивнул в сторону стоящего рядом со столом стула и негромко приказал:

– Садитесь, курсант.

Берс был озадачен. Во-первых, при его первом посещении стула у стола адмирала не было. Начальник школы считал, что его подчиненные должны проводить в его кабинете минимум времени, а значит, нет необходимости в дополнительной мебели, захламляющей кабинет. А во-вторых, на этот раз адмирал был один, а всей школе была известна его пословица: «Каждый должен заниматься своими горноматками». Это означало, что курсантами занимаются курсовые и преподаватели, а он сам занимается офицерами, лишь изредка снисходя до четверокурсников-гардемаринов. Курсанту второго курса попасть в кабинет адмирала можно было, только совершив что-то из ряда вон выходящее, да и то в сопровождении офицера.

Когда Берс осторожно опустился на стул, адмирал окинул его внимательным взглядом и, щелкнув клавишей, расширил проецирующую поверхность голомонитора в сторону Берса.

– Что вы на это скажете, курсант?

Берс слегка подался вперед. На монитор был выведен момент его сегодняшнего боя. Искры, изображавшие его перехватчик и троих его преследователей, плели причудливую вязь боя среди голографической имитации окрестностей какой-то звезды, а рядом горели две колонки цифр. Берс несколько мгновений рассматривал вторую колонку, потом спокойно повернулся к адмиралу:

– Вы правы, лэр, я сознательно снизил мощность залпа, чтобы нанести противнику минимум поражения.

Начальник школы кивнул и констатировал:

– Дважды, курсант.

Они помолчали несколько мгновений, потом адмирал негромко спросил:

– Что вами движет, курсант?

Берс несколько мгновений размышлял над вариантами ответа, потом решил быть откровенным.

– Мне не понравилось то, что творилось вокруг меня после первого боя, и... меня не очень волнует рейтинг, с которым я окончу школу.

– Почему?

Берс запнулся, а потом твердо ответил:

– Я собираюсь вернуться домой, лэр.

Адмирал несколько мгновений обдумывал ответ, потом откинулся на спинку кресла и попросил:

– Расскажите мне о своей планете, курсант.

5

– Заткнись и убери свой дерьмовый зад в дальний угол. Я тебе не сопливый «юнк», чтобы верить всей той вони, которую извергает из своей пасти какой-то варвар.

Полицейский напоследок припечатал Стива презрительным взглядом, после чего для острастки саданул дубинкой по прутьям и с лязгом задвинул решетку. Зло посмотрев на всех находящихся в камере, он рявкнул:

– Смотрите у меня! – И, сделав шаг назад, включил изолирующую мембрану. Когда пространство перед решеткой помутнело и на белесой пелене мембраны с приглушенным потрескиванием начали вспыхивать маленькие молнии разрядов, Млокен-Стив, который до последнего момента надеялся, что им все-таки позволят предъявить документы, остервенело выругался и саданул по решетке кулаком. Это было его ошибкой. Послышался треск, вопль, запах паленой кожей, а из углов камеры, где кучковались разные темные личности, послышалось злорадное хохотанье. Энтони подскочил к вопящему от боли Стиву и оттащил его подальше от решетки, а Берс, который молча наблюдал за всем происходящим, разжал губы и невозмутимо констатировал:

– Наведенные токи от мембраны.

Млокен-Стив повернул к нему искаженное болью лицо и зло огрызнулся:

– Сам знаю!

Берс пожал плечами и, привстав, наклонился над Стивом. Несколько мгновений он рассматривал ожог, потом протянул руку и надавил ногтем на какую-то точку между пальцами. Млокен-Стив завопил от боли, но тут же умолк и удивленно уставился на свою ладонь.

– Небольно.

Берс невозмутимо уселся на место. Млокен-Стив перевел удивленный взгляд на Энтони, но тот, похоже, был не менее озадачен. Несколько мгновений они оба удивленно разглядывали Берса, но тот хранил молчание.

Они прибыли на Стенвер сегодня утром. Через два дня должен был состояться матч по болу между командами Танакийской школы и Стенверского института инженеров флота. Это была одиннадцатая игра, и до сих пор танакийцы не потерпели ни одного поражения. По флоту ползли самые невероятные слухи. Энтони заикнулся было о том, что они привлекают слишком много внимания, а одним из главных условий соглашения, которое представитель Земли заключил с губернатором Таварра, было требование не привлекать к себе излишнего внимания, но Млокен-Стив наотрез отказался это обсуждать. И в этом его, как ни странно, поддержал Берс. Когда Энтони попытался было урезонить Стива, Берс вдруг встал, положил руку на плечо друга и тихо произнес загадочную фразу:

– Не сердись, но с этим уже ничего не сделаешь.

Энтони сначала не понял, о чем он говорит, но Берс пояснил, впрочем столь же непонятно:

– Мы будем играть и выигрывать. Это предопределено.

На этом спор закончился.

И вот в начале недели они погрузились на учебный каботажный транспортник и отправились на Таварр. Экипаж его полностью состоял из четверокурсников-гардемаринов. Эти крутые ребята, словно забыв о том, что на таком корыте слишком хилые гравикомпенсаторы, сначала лихо выдрали их над плоскостью эклиптики, попутно вывернув у большей части команды желудки наизнанку, потом разогнали до скорости перехода и с дикой тряской перекинули в систему Стенвера. Команде дали двое суток на то, чтобы прийти в себя, и трое приятелей, которые перенесли полет гораздо легче многих, двинули в город.

После того как они по настоянию Энтони немного покатались по городу на экскурсионном боллере, Млокен-Стив, пользуясь каким-то внутренним компасом, вывел их к расположенному на одной из узких, кривых припортовых улочек ресторанчику. Фирменной изюминкой были блюда танакийской кухни, которые они успели полюбить. Когда все трое уселись за столик и уставились в бегущие по его поверхности строчки меню, Стив с довольным видом заявил:

– Не стоит пугать желудок непривычной пищей, а то к тому моменту, когда остальные оклемаются, мы, наоборот, вполне вероятно, свалимся с ног.

Энтони хмыкнул:

– Спасибо за заботу. Хотя я готов поклясться ранами святого Себастиана, что твоя приверженность танакийской кухне вызвана, скорее, не едой, а питьем. Ты просто жаждешь присосаться к доброй пинте того пойла, которое льется рекой в баре дядюшки Сиранта.

Млокен-Стив невозмутимо пожал плечами:

– Зачем отрицать очевидное?

Приблизительно до полуночи этот бар ничем особо не отличался от тех, к которым они привыкли на Танаке, но потом начались странности. Первым это, как всегда, заметил или почувствовал Берс. На подиум как раз взобралась очередная девица и, извиваясь как змея, принялась избавляться от одежды, которую, если она находилась в здравом уме, вряд ли бы надела в повседневной жизни. Поэтому Млокен-Стив был слишком занят, чтобы что-то заметить, а Энтони, как это часто бывало, наслаждался созерцанием смены выражений на его возбужденной роже. Впрочем, даже если бы они были предельно внимательны и готовы к неприятностям, Берс все равно насторожился бы первым. Уж так у него всегда получалось. Вот и сейчас он поставил на стол кружку с кислым танакийским пивом и, повернувшись к Энтони, негромко произнес:

– У нас неприятности.

Тот тут же насторожился и, ткнув Стива кулаком в бок, тихо спросил у Берса:

– Пора ретироваться?

Берс медленно покачал головой и произнес странную фразу:

– Нет, лучше будет, если все вопросы решить сейчас.

После столь многозначительного выражения, смысл которого, как обычно, должен был проясниться много позже, Берс принял позу терпеливого ожидания. Энтони пожал плечами и вновь повернулся к Стиву, который совершенно не отреагировал на его тычок.

Они успели допить пиво, когда к ним небрежной походкой подошел толстый коп в засаленной форменной рубашке и, грубым жестом смахнув со стола кружки, уселся на него своим жирным задом, практически уткнув пухлые свои колени в лицо Энтони. Несколько мгновений он рассматривал его, презрительно оттопырив нижнюю губу, а потом заорал буфетчику:

– Туйст! А что здесь делает эта черная обезьяна? Или ты открыл бар для животных?!

Млокен-Стив, для которого эта сцена оказалась совершенно неожиданной, взвился со стула и чуть не засветил копу по морде, но его кулак, уже описывающий дугу, заканчивающуюся на кончике коповского носа, внезапно был остановлен и захвачен ладонью Берса. Стив дернулся, но Берс движением кисти швырнул его на стул, одновременно другой рукой отжимая вниз полицейскую дубинку, с конца которой бил прямо в стол голубоватый разряд парализатора, отчего по всей крышке шли разноцветные разводы. От такого обращения коп сполз со стола и рухнул на пол, а Берс, приблизив лицо к уху полицейского, негромко произнес:

– Еще слово – и я сломаю тебе шею. Тебе ее, конечно, регенерируют, но представь, НАСКОЛЬКО тебе будет больно.

Толстяк вскинулся было, но, наткнувшись на укол сузившихся зрачков, судорожно глотнул и закивал головой. Однако дело было сделано. Откуда ни возьмись перед столиком выросло еще четверо копов, и спустя пару минут все трое землян уже торчали в заднем отсеке поли-

цейского боллерта, который двигался в направлении ближайшего полицейского участка. Преступление, которое они совершили, называлось громко: «Оказание сопротивления полиции при аресте», а столь серьезное преступление требовало полного официального оформления, поэтому по прибытии у них даже не стали забирать документы, а просто заперли в кутузку до утра, когда «придет патрон и все сделает лично». Короче, судя по всему, их решили со смаком ткнуть мордой в грязь, ибо если бы копам вздумалось оформлять их немедленно, то, как только был бы документально удостоверен факт их принадлежности к космофлоту, полиция была обязана немедленно информировать военное командование. А так: «Ничего не знаю, просто тупые варвары в гражданке, которые несут всякую чепуху. Патрон придет и сам разберется». С формальной точки зрения налицо несколько возможностей продержат их до утра. Вот пусть и сидят. Во всяком случае, у Энтони и Стива сложилось именно такое впечатление, а что думал или знал Берс, он держал при себе.

Млокен-Стив осторожно притронулся к обожженной руке и повторил еще раз, не менее удивленно:

– Слушай, совсем прошло!

В этот момент из дальнего угла раздались резкие хлопки. Все вздрогнули и невольно повернулись в ту сторону. В углу вспыхнул яркий свет, высветивший группу крепких парней. Центральное место в ней занимал высокий человек, одетый в костюм и пальто из *натуральных* волокон! Млокен-Стив невольно присвистнул. На Танаке такое могли себе позволить только очень богатые люди. Да и на Стенвере, скорее всего, было так же, несмотря на то что он принадлежал к мирам метрополий. Такой человек просто не мог находиться в этой вонючей кутузке, но он здесь был! Человек еще несколько раз ударил ладонью о ладонь, потом оперся на трость из *натурального* дерева, которую держал в руке, и, поднявшись с нар, уверенным и неторопливым шагом подошел к землянам.

– Добрый день, лэры Биерс, Этоуни и Млоукен-Стив. – Он сделал паузу, наслаждаясь изумлением, написанным на лицах землян, впрочем только на двух, и продолжил: – Прошу простить эти маленькие неудобства, но мне необходимо было место, где мы могли бы поговорить без особых помех.

Млокен-Стив захлопнул разинутый рот и набычился:

– Странное место для разговора.

Их неожиданный собеседник уверенно улыбнулся:

– О, все объясняется довольно просто. Я занимаюсь бизнесом, в котором основным условием успеха является полная конфиденциальность переговоров. – Тут он покачал головой и иронически добавил: – Хотя дилетанты считают, что все должно быть совершенно наоборот.

Он сделал паузу, давая возможность землянам проникнуться тонким юмором, и неторопливо продолжил:

– А это означает, что мои конкуренты не оставят без внимания ни одного моего шага. Так что если бы я попытался устроить нашу встречу еще где-нибудь, то к этому месту мгновенно слетелась бы целая стая стервятников, пробавляющихся крохами информации, которые они подбирают с пола у моих ног и продают конкурентам. – Он усмехнулся. – Впрочем, если бы я рискнул нелегально использовать поле подавления, то этих тварей стало бы столь много, что ни о каком сохранении тайны не могло бы быть и речи.

Он снова сделал паузу, но, заметив, что его невольные собеседники совершенно не реагируют на столь старательные потуги на оригинальность мышления, нахмурился. Однако его собственный апломб не позволил ему долго сердиться. Господин криво усмехнулся:

– Так что пришлось найти нестандартное решение. – И его усмешка стала самодовольной. В кутузке установилась тишина. Потом Энтони осторожно спросил:

– И что же это за бизнес?

Но ответ неожиданно прозвучал с другой стороны:

– Господин – букмекер, не правда ли?

Все обернулись в сторону Берса, произнесшего эти слова. Господин букмекер торжественно вскинул руки и еще несколько раз хлопнул в ладоши:

– Bravo, bravo, лэр Биерс, вы еще раз порадовали меня, уже третий за сегодняшний вечер. – И, поймав недоуменные взгляды Энтони и Стива, пояснил: – Первый раз это было в баре, а второй здесь, когда вас только привели. – И он с довольным видом уставился на Берса, ожидая его реакции.

Берс молча смотрел на букмекера. Несколько мгновений они обменивались взглядами, потом лохотный господин не выдержал и отвел глаза. И тут же, спохватившись, что стоящие рядом подчиненные могут истолковать это как непростительную слабость, побагровел и принужденно рассмеялся:

– А ну-ка удивите меня еще раз. Скажите, что же мне от вас нужно?

Берс пожал плечами:

– Это очевидно. Вы хотите, чтобы мы проиграли.

Господин снова хлопнул в ладоши, но на этот раз в каждом его жесте сквозила развязанная вальяжность. Энтони и Стив удивленно переглянулись.

– Но зачем? – пробормотал Млокен-Стив. – Игры флотского чемпионата не котируются в тотализаторах. Это же чисто любительские соревнования.

Букмекер снисходительно рассмеялся:

– А почему бы нет? Потому что так установили эти желтоголовые снобы-лорды? Ха! Они до сих пор воображают, что продолжается золотой век и империей правит император. Империей давно правят деньги. – Он презрительно поджал губы и ткнул тростью в сторону мерцающей мембраны. – Ибо если бы это было не так, то я находился бы здесь не по своим делам, а по решению суда. – Он сделал паузу, давая собеседникам время для того, чтобы те оценили его очередную шутку, а потом продолжил: – Я из тех, кто умеет делать эти деньги, и основным моим принципом является то, что если люди чего-то хотят, то им следует это дать. – Он картинно развел руками. – И если люди хотят делать ставки на команды флотского чемпионата, то тот, кто первым застолбит этот бизнес, получит максимальную прибыль. – Тут он тонко улыбнулся и с нажимом закончил: – На этой планете первым был я.

На несколько мгновений в камере установилась тишина, потом Берс спокойно спросил:

– И что вы нам за это предлагаете?

Млокен-Стив изумленно уставился на него, но Берс не обратил на это никакого внимания. Букмекер снова улыбнулся:

– Вы продолжаете меня удивлять, мистер Биерс. Я думал, что мне будет достаточно сложно с вами договориться, и, честно признаюсь, вы вызывали у меня наибольшие опасения.

– И потому вы взяли с собой столько уговорщиков, – зло пробормотал Стив.

Букмекер рассмеялся:

– О, со мной всего лишь семеро. Остальные – шушера, которая не имеет ко мне никакого отношения.

– Но вы же говорили о строгой конфиденциальности, – удивился Энтони.

– Совершенно верно, – кивнул букмекер, – но в данном случае соблюдать ее имеет смысл только в течение ближайших трех дней, а за это время ни один из присутствующих не покинет этого помещения. Это я могу вам обещать абсолютно точно. За исключением нас, конечно.

Млокен-Стив зло сощурился:

– Значит, через три дня каждая собака в округе будет знать, что мы сдали матч?

– Ну и что? – удивился букмекер. – Вам-то что за дело? Вы же не профессиональные игроки. Вас не смогут привлечь к судебному разбирательству, и это никак не отразится на вашей карьере. А мои клиенты прекрасно представляют, что вступают в конфликт с законом лордов, уже когда обращаются в мою контору, и им тем более не придет в голову никого обви-

нять. К тому же, – тут он улыбнулся, – вы к этому времени будете уже далеко и, – он многозначительно поднял палец, – с очень приличными деньгами в кармане.

Тут Стив взорвался:

– Да на кой черт нам ваши деньги, если...

– Сколько? – спокойно спросил Берс.

Млокен-Стив осекся и изумленно уставился на него. Букмекер же покровительственно кивнул:

– Уважаю деловых людей. Скажем... по три тысячи кредитов. Каждому.

Берс покачал головой и произнес:

– Прибавьте нолик.

Букмекер изумленно вытаращил глаза, а потом саркастически расхохотался:

– Простите, лэр, но на подобные гонорары у меня могут рассчитывать только ведущие игроки высшей лиги.

Берс молча пожал плечами. Какое-то время они смотрели друг на друга, потом букмекер отвел глаза и произнес деланно равнодушным тоном:

– Что ж, господа, мне очень жаль, но я не могу согласиться на ваши условия.

Млокен-Стив, которому все это очень не нравилось, облегченно расслабился, но следующие слова букмекера показали, что он рано обрадовался.

– Но это не означает, – с нажимом продолжил тот, – что мы можем просто разойтись по сторонам, не придя ни к какому соглашению. Я вложил в предстоящую игру слишком много, чтобы положиться на волю случая. – С этими словами он кивнул двум мордovorотам.

Те шагнули вперед и, сноровисто ухватив Энтони, заломили ему руки. Млокен-Стив рванулся вперед, но тут же был перехвачен еще двоими. Остальные развернулись к Берсу, но тот стоял спокойно, невозмутимо рассматривая эту кутерьму. Букмекер несколько мгновений напряженно ожидал, что же предпримет Берс, но тот классически держал паузу. Господин слегка расслабился и расплылся в улыбке, которая на этот раз была с налетом презрения:

– Что ж, разумное решение, лэр Биерс. Утром вас двоих выпустят, а ваш друг, – он кивнул в сторону Энтони, – который, по моей информации, участвовал всего в одном из прошедших матчей, останется у нас, так сказать, в гостях, – он хохотнул, – чтобы мы были уверены в вашем хорошем поведении. Как объяснить его отсутствие – ваша проблема. – Букмекер сделал паузу, ожидая реакции Берса, но тот все еще хранил молчание, и господин вальяжно закончил: – Кстати, мое предложение по-прежнему остается в силе. После игры вы получите по три тысячи, – и он замолчал.

На несколько мгновений в камере повисла тишина, потом раздался придушенный голос Стива, которому зажали горло:

– Ну... берсерк... давай...

Один из конвоиров грубо выругался и сильнее стиснул пальцы на его горле. Стив захрипел. Берс повел глазами по сторонам, на мгновение задерживая взгляд на каждом из мордovorотов букмекера, а потом... исчез. Вернее, всем присутствующим в камере показалось, что он исчез, но это было не так. Двое верзил, держащих Стива, вдруг взмыли в воздух спинами вперед и с грохотом рухнули на нары, сделанные по трем сторонам камеры. За ними последовали двое, которые держали Энтони, и только в этот момент воздух прорезали несколько разрядов парализаторов, ударившие в то место, где находился Берс во время разговора. Но было поздно.

– Прикажите им бросить парализаторы, лэр букмекер.

Трое оставшихся верзил нервно обернулись на голос. Берс занял позицию за спиной главного режиссера всей этой кутерьмы, и тому вряд ли понравилось, как развивается постановка, которую он считал успешной, поскольку в данный момент он стоял на коленях, голова его была слегка вывернута и пригнута к левому плечу. В общем, было не очень больно, но господин

букмекер чувствовал, что если сильные руки, держащие его голову, сдвинутся еще хотя бы на полпальца, то его шейные позвонки лопнут с веселым, звонким треском.

– Бросить... – просипел букмекер. Трое верзил пару мгновений неуверенно обменялись взглядами, потом одновременно швырнули оружие на пол. Берс отпустил руки и сделал шаг назад. Окинув взглядом напряженные фигуры верзил, он негромко произнес:

– Не стоит рисковать. А то присоединитесь к ним, – он кивнул в сторону валяющихся тел.

Те испуганно-недоуменно переглянулись, и Берс спокойно показал себе за спину, на рукав и на голень левой ноги. Все трое нехотя вытащили из указанных мест по миниатюрному парализатору и бросили на пол. Берс спокойно кивнул и повернулся к букмекеру. Несколько мгновений он с этакой ленцой разглядывал его побагровевшую рожу, потом, несколько утрируя голос самого букмекера, повторил его слова:

– Кстати, мое предложение остается в силе.

Млокен-Стив вспыхнул от возмущения:

– Да ты что?!

Но Берс жестом остановил его. У букмекера задержалась щека, несколько мгновений он молча разевал рот, как выброшенная на берег рыба, потом бросил отчаянный взгляд на своих верзил и наконец выдавил:

– Согласен...

Берс невозмутимо кивнул и закончил переговоры:

– Деньги пусть принесут завтра, за три часа до игры, к нам в номер. И полицейский участок мы покинем сразу же после вас.

Когда рядом остановился таксболлерт, Млокен-Стив первым молча забрался внутрь и с каменным лицом уселся на дальнее сиденье. Энтони выглядел более спокойно, но ему явно тоже было не по себе. Полдороги они проехали в молчании. Потом Энтони не выдержал:

– Слушай, ты что, серьезно собираешься сдать эту игру?

Берс повернул к нему спокойное лицо и покачал головой:

– Нет.

Млокен-Стив покосился в его сторону, а Энтони удивленно покачал головой:

– Это первый раз на моей памяти, когда ты пошел на откровенный обман.

– Я и не пошел.

– ???

Берс пожал плечами:

– Мы будем играть в полную силу, но эту игру нам не выиграть. Мы еще не настолько сильны, чтобы обыграть прошлогоднего призера чемпионата. Так почему бы нам при таком раскладе не пощипать этого типа?

Стив и Энтони переглянулись:

– А если мы выиграем?

Берс покачал головой.

– Вряд ли, время еще не пришло, – и на этом замолчал. Вот как хочешь, так и понимай.

Они уже подъезжали к гостинице, когда подал голос Стив:

– А если он не принесет деньги?

Берс снова покачал головой:

– Принесет. Заплатив нам, он лишится практически всей своей прибыли, но если он не заплатит и мы выиграем... Он останется без гроша. В его положении нельзя рисковать.

Млокен-Стив покачал головой и ухмыльнулся:

– Пожалуй, здешним акулам-букмекерам стоит поставить свечку какому-нибудь местному святому за то, что ты не собираешься заниматься бизнесом в империи.

Берс пожал плечами:

– Как знать.

Они проиграли эту игру с минимальным счетом, а к концу сезона команда Танакийской его императорского величества высшей школы пилотов заняла восьмое место, превысив результат прошлого сезона на двадцать девять мест.

6

Шип-коммандер Сарпей по прозвищу Хан Пустоты стоял у второго причального дока и кисло разглядывал ворота шлюза. За его спиной с унылой рожей стоял младший квартирмейстер. И дернул же его черт пойти именно тем коридором! Теперь придется торчать на шлюзовой палубе часа полтора, а то и два. Хан Пустоты славился способностью доводить закаленных курсантов третьего курса до обмороков и вряд ли упустит столь прекрасный случай попрактиковаться. Шип-коммандер сердито покосился на часы и свирепо нахмурился. Все проходившие мимо, кто мог разглядеть выражение его лица, моментально вспоминали, что у них есть какие-то срочные дела в противоположном конце станции, и поспешно ретировались, моля темную бездну подальше отвести глаза шип-коммандеру и вышибить из его памяти их имя и личный номер. На их счастье, Хану Пустоты было не до этого. Он ждал большое количество неприятностей. Их должно было прибыть на станцию числом ровно две тысячи двести сорок семь и имя им было – курсанты третьего курса Танакийской его императорского величества высшей школы пилотов. Шип-коммандер скривился. Учебная база желтого сектора служила местом пространственной стажировки для курсантов доброй дюжины учебных заведений флота, и по глубокому убеждению шип-коммандера все они были уродами, тупицами и верными кандидатами на то, чтобы угробиться в первом же полете, на что Хану Пустоты было, по большому счету, наплевать. Однако, что его волновало гораздо больше, при подобном раскладе они гробили дорогостоящую учебную технику. Танакийцы же сумели выделиться даже среди этого сброда.

Тяжелые ворота шлюза дрогнули и медленно поползли в сторону. Шип-коммандер вздохнул, рыкнул, прочищая горло, и набрал в грудь воздуха, собираясь сразу же показать этим обалдуям, кто хозяин на станции, но его усилия пропали даром. Когда рассеялся густой туман, образовавшийся от соприкосновения влажного воздуха станции с ледяной поверхностью внешних ворот шлюза, глазам шип-коммандера предстало невероятное зрелище. Курсанты третьего курса Танакийской его императорского величества высшей школы пилотов встретили шип-коммандера Сарпея **СТОЯ В СТРОЮ**. Сарпей икнул, потряс головой и шумно выпустил меж зубов набранный в легкие воздух. Но, как оказалось, его потрясения на этом не закончились. Спустя некоторое время Хан Пустоты, вытаращив глаза, ошарашенно уставился на коммандер-капитана Сампея, которого знал уже добрый десяток лет. И на протяжении всех этих лет старина Сампей пребывал на учебную базу одним раз и навсегда определенным образом – в дупель пьяным, висая на плечах двух тащивших его дюжих курсантов. На этот раз старина Сампей был почти трезв, почти выбрит и почти поглажен. Но это еще не все. Старина Сампей **ПОПЫТАЛСЯ ОТДАТЬ ЕМУ РАПОРТ!** Этого шип-коммандер вынести уже не мог. Он набычился, его лицо налилось кровью, и, не дослушав рапорта коммандер-капитана Сампея, начальник учебной базы желтого сектора махнул рукой и почти бегом покинул шлюз.

Млокен-Стиву, Энтони и Берсу отвели каюту на третьем ангарном уровне рядом с выходами к внешним пирсам. На второй горизонтали этого уровня, всего через два лестничных пролета, на бывшей шлюпочной палубе, была оборудована смотровая площадка, и они, быстро распахав вещи, тут же примчались туда.

Учебная база представляла собой не что иное, как устаревшую орбитальную крепость, отбуксированную в необитаемую систему с богатой пространственной географией. С нее была снята большая часть вооружения, а на его месте устроены обширные казармы и общежития. Кроме того, вокруг основного блока, имеющего псевдошарообразную форму, столь характерную для всех орбитальных крепостей из-за необходимости добиться наиболее оптимальной конфигурации защитного поля, были смонтированы гигантские ангары и причальные пирсы.

Все трое некоторое время восхищенно рассматривали открывшуюся их взору величественную картину, и Млокен-Стив восторженно произнес:

– Пожалуй, она будет побольше Мерилин.

Услышав это, Берс скривился, а Энтони усмехнулся:

– Нашел что сравнивать. Здоровенную свалку всякого старого хлама и Мерилин. Да если она захочет, то разнесет эту ржавую гору железа в один момент.

Млокен-Стив слегка стушевался:

– Да я не в этом смысле...

Но Берс не дал ему закончить. Он повернулся и двинулся в сторону лестницы, бросив через плечо:

– Пошли, завтра тяжелый день.

Третий курс в любом училище флота называли «пустотным». Сразу после каникулярного отпуска на посадочные поля училища грузно и неуклюже, будто чудовищные обожравшиеся черви, опускались большие флотские транспорты, на флотском жаргоне презрительно именуемые «скотовозками», в которые плотно, будто сельди в бочке, набивались курсанты третьего курса. Потом транспорты неторопливо плюхали к ближайшей учебной базе, каковые имели место быть в каждом секторе, где облегченно избавлялись от груза. Весь переход, как правило, сопровождался могучей пьянкой, все принадлежности для которой, вследствие отсутствия на флотских транспортах всякого намека на буфет, приходилось волоочь с собой, тщательно скрывая от команды транспорта и курсовых офицеров. Последние к концу похода начинали проявлять особое рвение, поскольку, как правило, к этому моменту все «горючее», запасенное в офицерских кофрах, уже подходило к концу и конфискованные бутылки и тубы со спиртным прямым ходом поступали в офицерские каюты. Прибыв на учебные базы, личный состав во главе с офицерами первые два дня отсыпался, отъедался и приходил в себя, а потом начинались полеты. Полеты по каботажным орбитам, маневрирование в астероидных и кометных облаках, гравинаполненные маневры вблизи звезд и тяжелых планет, групповое маневрирование, многое другое, чему пока не было названия и что могло родиться только в озлобленных и искушенных пустотой мозгах офицеров – инструкторов базы. Но прежде чем попасть в этот кошмар, надо было пройти через ад получения допуска.

Следующее утро началось с того, что на построении появился старший офицер группы инструкторов базы, закрепленной за танакийцами. Это был довольно молодой пайлот-коммандер с озабоченным лицом и нервно дергающейся щекой. Судя по всему, он впервые выступал в своей роли, и если следовать неофициальной табели о рангах, то его назначение к танакийцам, скорее всего, состоялось потому, что все более достойные отказались от подобной чести. Судя по выражению лица, с которым он возник в отсеке, он и сам был с этим согласен.

Обычно первое построение было пустой формальностью, ибо на следующее после прибытия утро места расположения вновь прибывших подразделений, как правило, больше всего напоминали место экстренной эвакуации. Поскольку сил личного состава хватало только на то, чтобы, теряя по пути баулы, кофры, коробки, доползти до койки и отрубиться. Поэтому когда пайлот-коммандер увидел заполненный строй, он хмыкнул, недоуменно поежился и пристроился за спиной старины Сампея со слегка ошарашенным лицом. За время ритуала приветствия и представления он слегка оклемался, и, когда коммандер-капитан Сампей шагнул в сторону, предоставляя ему слово, он вышел вперед и начал уже привычно, но несколько неуверенно:

– Э-э-э, курсанты, я – шеф-инструктор Сайомай. С настоящего момента вы переходите в мое подчинение, и если какая-нибудь сво... – Тут он запнулся, несколько мгновений недоуменно рассматривал шеренгу курсантов, блистающую свежими воротничками и выбритыми щеками, потом тяжело вздохнул и завершил: – Недобросовестные курсанты будут... э-э, недостаточно старательно относиться к занятиям, я... э-э-э, приму самые строгие меры.

Курсанты в строю прилагали невероятные усилия для того, чтобы не заржать. Все прекрасно понимали, что должна была изрыгать глотка пайлот-командера вместо столь затянутых пауз. Пайлот-командер Сайомай несколько мгновений потоптался на месте, не зная, как продолжать речь без обычной ругани, потом тяжело вздохнул и кратко закончил:

– Сегодня после обеда будет вывешен график сдачи зачетов на допуск, и... – Он повернулся к старине Сампею: – Мне нужно ежедневно человек по двадцать. Ваш шип-матка сейчас на ремонте, и, если вы не хотите до конца курса рассекать только по системе, нужно побыстрее приводить его в порядок.

Сампей кивнул и, повернувшись к строю, пролаял распоряжения. На этом первое построение закончилось.

Вечером объявили порядок сдачи тестов. Земляне попали в семнадцатую подгруппу. Когда они подошли к экрану объявлений, около него стоял знакомый курсант и уныло разглядывал слегка мерцающие строки. Услышав шаги, он грустно усмехнулся и, кивнув в сторону экрана, констатировал:

– Привет собратьям по несчастью.

Млокен-Стив выскочил вперед и, внимательно изучив расписание, удивленно повернулся к собеседнику:

– То есть?

Курсант ткнул пальцем в первую строчку:

– Гляди, первым у нас «большая неприятность», – тест на групповую слаженность, а как мы можем его сдать, если подгруппа только сформирована, причем от фонаря? Да этот тест даже контрольные группы замучиваются сдавать.

Энтони пожал плечами:

– Ну и что? Даже если и провалим, пойдем дальше, а потом досдадим.

Курсант обреченно вздохнул:

– Как же! У них правило – следующий тест только после сдачи предыдущего. Пока мы его домучаем, у остальных будет уже полдопуска в кармане. А значит, нас начнут пихать по нарядам, и вообще... – он махнул рукой, зло сплюнул на пол и, резко развернувшись на каблуках, двинулся по коридору.

Все трое молча проводили его взглядами, потом Млокен-Стив повернулся к Берсу:

– Ну что скажешь?

Берс некоторое время разглядывал расписание, потом пожал плечами:

– Посмотрим.

На следующий день сразу после завтрака их подгруппе приказали надеть имитаторы полетных костюмов и прибыть на шестой нижний уровень базы. Когда двери подъемника распахнулись, перед глазами курсантов предстал худой и костлявый как смерть старшина. Окинув их хмурым взглядом, он осклабился и мотнул головой в сторону дальних ворот:

– Вперед, бедолаги, вас ждет «пыточная камера».

Ответом ему стал приглушенный многоголосый стон. «Большая неприятность» была еще и неприятной не-ожиданностью, поскольку ни одна подгруппа до самого последнего момента не знала, на каком из тренажеров или имитаторов им придется сдавать этот тест. Но среди всех каверзных устройств «пыточная камера» считалась самой отвратной. Это был «глухой номер». В курсантской среде ходили легенды о том, что кто-то когда-то сумел пройти «пыточную камеру», но большинство сходилось на том, что это только легенды.

Спустя несколько минут они уже сидели в имитаторах пилотских кабин. Старшина сноровисто проверил подключение коммуникаций и дал команду захлопнуть верхние люки. Когда фиксаторы с легким щелчком вошли в пазы бортов, включилась связь, и в шлемах послышался насмешливый голос старшины:

– Подгруппа А-73, тест на групповую слаженность, задание – групповой проход в астероидном потоке, вариант обратной связи – NNT...

Кто-то ахнул, а чей-то сдавленный голос прошептал:

– О темная бездна, пороговое усиление...

Берс усмехнулся. Кто-то их очень сильно невзлюбил. Назначенный им вариант обратной связи означал, что каждая ошибка любого из подгруппы отразится на остальных определенным уровнем раздражения болевых окончаний, причем уровень раздражения при каждой последующей ошибке будет повышаться, пока они не завопят от боли, и кто-нибудь, не выдержав, хлопнет ладонью по клавише отмены. А это будет означать, что тест не сдан. Он вывел на экраны маршрут и поморщился. Вряд ли кто сможет пройти этот маршрут быстрее, чем за три четверти часа, а с уровнем пилотажной подготовки основной массы курсантов для достижения болевого порога им не понадобится более десяти минут. И все-таки решение существовало. Он это чувствовал. Берс закрыл глаза, сосредоточился и попытался вызвать у себя нечто подобное боевому трансу. Тогда решение приходило мгновенно и без малейших усилий с его стороны, а сейчас в отсутствие непосредственной опасности все было намного сложнее, но у него уже не раз получалось чувствовать Рисунок и не входя в боевой транс. В шлеме щелкнуло, и раздался голос старшины:

– Даю стартовый отсчет...

Но Берс его не слышал. Решение наконец всплыло у него в голове и засверкало во всей своей гениальной простоте. Вся разгадка была в том, что это был не просто тест на технику пилотирования. Задачей этого теста было выявить именно способности курсантов действовать совместно в составе случайных групп. Именно действовать, а не просто пилотировать. Берс улыбнулся и, надавив языком на сенсорный переключатель шлема, вышел на общую волну:

– Внимание! Я – «Прайм-двенадцать», работаем так...

К концу недели они сдали практически все тесты. После того как их подгруппа с налету проскочила «большую неприятность», до постоянного состава базы наконец дошло, что танакийцев стоит воспринимать всерьез. И что прошлогодние успехи в боле, вызвавшие столько шума и потрясшие до основания всех болельщиков чемпионата, не были просто игрой случая. Сразу после того как подгруппа А-73 с блеском прошла «пыточную камеру», в отсек танакийцев толпами повалил народ из других школ, горящих желанием потарашиться на столь странных варваров. Танакийцы, которые уже успели привыкнуть к успехам землян, относились к удивлению остальных немного снисходительно. Так прошло два месяца.

Перед самым днем тезоименитства на разводе к ним подошел старина Сампей и буркнул:

– Вы у нас пока рвете впереди всех. Поэтому, чтобы совсем уж не надорвать пупки, завтра пойдете на ремонт шип-матки.

Курсанты переглянулись. Это было нечестно. Их очередь должна была подойти только через неделю, но старина Сампей ослабил и пояснил:

– У них полетел гидравлический подъемник, а они завтра собираются ставить сердечник ускорителя. Так что придется это делать вручную, и потому нужно много людей.

Он слегка поджал губы, поймав себя на том, что слишком разболтался с сопляками, и решил побыстрее закончить. Поэтому повернулся к Берсу и раздраженно произнес:

– А тебя завтра с утра хочет видеть сам шип-командер Сарпей. – Он сделал паузу и пояснил: – У тебя самый высокий рейтинг за последние пятьдесят семь лет, а от того, как ты провел подгруппу через «большую неприятность», у тактического анализатора базы вообще цепи замкнуло. – И он, хохотнув, отошел в сторону.

На следующее утро Берс, впервые натянув новенький, с иголки, парадный мундир, который им пошили перед самым отлетом, поднялся на шестой, командный уровень. Выйдя из гравифлифта, он на несколько мгновений задержался у отполированной до зеркального блеска стены и окинул себя критическим взглядом. Мундир был хорош и стоил целое состояние.

Департамент двора и традиций строго следил за тем, чтобы первый парадный мундир молодого офицера флота был сшит вручную. Это была его первая привилегия. Второй раз на мундир, сшитый вручную, офицер мог претендовать, только получив чин адмирала. Но покрой этого мундира был рассчитан на несколько более атлетическую фигуру. Впрочем, Берса волновало, скорее, больше, не сдвинулись ли нашивки и знаки со своих точно вымеренных мест, чем то, насколько представительно он выглядит. С нашивками вроде бы все было в порядке. Он повернулся к толстой, герметичной двери, закрывавшей проем в изолирующей бронеперегородке, ведущей в центральный отсек, и вставил в прорезь замка идентификационную карточку, выданную на станции. Створки быстро и бесшумно ушли в стены.

Приемная была небольшой. За стойкой, больше напоминающей один из постов БИЦа, чем место секретаря, сидел дюжий мичман. Когда Берс шагнул внутрь, он окинул его вопрошительным взглядом.

– Лэр, курсант Рюрик, личный номер ОУ-231, Танакийской его императорского величества высшей школы пилотов, второй сектор, подгруппа А-73, по вызову шип-командера, лэр.

Мичман молча выслушал доклад, сумрачно кивнул и, нажав пару клавиш, протянул руку:
– Идентификационная карточка?

Берс четким движением протянул ему кусочек пластика. Мичман сунул его куда-то внутрь консоли, мгновение рассматривал огоньки на пульте и, кивнув, указал на дверь:

– Входите.

Кабинет шип-командера Сарпея, с одной стороны, был абсолютно не похож на кабинет адмирала Эсмиера. Тот был образчиком позднеэзонеройского стиля, имел окна и нес на себе отпечаток антикварности. Этот явно был переделан из какого-то намного большего помещения и строго функционален. Но, с другой стороны, они чем-то неуловимо напоминали друг друга. Вероятно, тем, что оба были для своих хозяев не символом престижа, а рабочим местом.

Шип-командер Сарпей молча выслушал доклад и, кивнув в сторону силового стула, мгновенно возникшего у закругленного края стола, приказал:

– Садитесь, курсант.

Берс сделал шаг вперед и опустил свой тощий зад на белесый контур, обозначавший сиденье силового стула. Шип-командер некоторое время молча его разглядывал, потом раздраженно скривился и заговорил:

– Я хочу знать, откуда вы взяли на мою голову?

Берс выдержал паузу, ожидая, не будет ли продолжения, а потом осторожно начал:

– Мы обучаемся по программе департамента колоний...

Сарпей прервал его жестом:

– Да ладно, не надо мне вешать на уши все это дерьмо. Я сорок лет проболтался на границе зоны «А» семнадцатого бут-сектора и знаю ее на несколько световых лет в глубь Большой пустоты. Там нет и никогда не было колонии с названием Землийа.

Берс замолчал, несколько мгновений размышляя над тем, что предпринять. Он почувствовал, что вранье здесь не пройдет, но говорить правду тоже не очень хотелось. Однако шип-командер молча сверлил его требовательным взглядом, всем своим видом давая понять, что мгновенно раскусит любую ложь, к тому же, неизвестно почему, у Берса сложилось впечатление, что Сарпей тоже несколько опасается этого разговора, поэтому он решил рискнуть:

– Дело в том, лэр, что мы не совсем колония.

– То есть? – усмехнулся шип-командер.

– Вернее, совсем не колония.

– Аборигенная цивилизация?

– Да, лэр.

Шип-командер удовлетворенно кивнул:

– Так я и думал. – Он помолчал несколько мгновений, а потом вдруг повторил то, что спрашивал у Берса адмирал Эсмиер около года назад в своем собственном кабинете: – Расскажите мне о своей планете, курсант.

Берс уже открыл рот, но тут у него на сердце будто повеяло холодом. Он вздрогнул и замер, изо всех сил стараясь понять, откуда тянет опасностью. Рисунок ускользал. Насколько в бою все получалось легко, настолько же было трудно сейчас.

Шип-коммандер удивленно спросил:

– Что с вами, курсант?

– Я... простите, лэр. – И Берс, которому наконец удалось поймать узор Рисунка, вскочил на ноги и пулей вылетел из кабинета.

Он вывалился из гравелифта, когда его опорная площадка только показалась из-под верхнего обреза проема двери, и рванул по коридору. К счастью, тот был почти пуст. Шагов за сорок до видневшегося впереди открытого люка в ангар, после последнего поворота, он услышал скрип такелажных цепей и слаженный рев десятков глоток.

– И-и р-р-раз, и-и р-р-раз, и-и р-р-раз, а ну еще, а ну давай, э-х-х-х-хех. – И полупридушенно: – Шабаш, встала.

Берс еще наддал, почти физически ощущая, как тают последние секундочки, и, едва вписавшись в проем аварийного люка, влетел в ангар. У левой стены шагах в сорока от входа из-под брюха шип-матки, на тусклом фоне которого был хорошо виден обнаженный, маслянисто поблескивающий сердечник ускорителя, выползали два десятка взмыленных курсантов, среди которых выделялось белой пеной на черной коже лицо Энтони. Берс на мгновение остановился, а потом ринулся вперед, заорав на ходу:

– В сторону! Он сейчас рухнет, все в сторону!

Энтони среагировал первым. Схватив за шкуру ошарашенного Млокен-Стива, он рванул вперед, по пути успев на ходу стиснуть локоть пилот-коммандера. Остальные танакийцы рефлекторно бросились за ними. Пробежав шагов двадцать, пилот-коммандер опомнился и, резко затормозив, вырвал локоть из цепких пальцев Энтони, развернулся к нему, свирепо оскалится и начал:

– Вы! Курсант! Вы что, с ума...

Но в это мгновение со стороны шип-матки раздался резкий, басовитый звук, будто лопнула какая-то гигантская струна. Это чудовищная цепь, которая держала основной вес сердечника, неторопливо, будто при замедленном воспроизведении, распалась на две неравные части. Правая половина цепи плавно и величаво рухнула на припаркованные у стены двухместные «пустолазы», превратив их в искореженное и фонтанирующее сжиженным азотом из разбитых топливных баллонов крошево, а левая гулко грянула о стену ангара и, смяв двухдюймовый лист перегородки, будто тонкую бумажную салфетку, вышибла его в соседний отсек, а потом сползла по стене и рухнула на пол. Сам сердечник несколько мгновений повисел на шпильках, которых было установлено всего дюжина из положенных почти полутора сотен, а потом, сопровождаемый пулеметной очередью ломавшихся шпилек, рухнул на пол ангара. Несколько мгновений в ангаре стояла полная тишина, нарушаемая только затихающим шипением азота, потом кто-то севшим голосом просипел:

– Ой, мамочки!

Все вздрогнули, пилот-коммандер захлопнул разинутый рот и повернулся к Берсу:

– Откуда вы знали, курсант?

Берс пожал плечами:

– Почувствовал, лэр. – Он не договорил, что из-за этого предчувствия ему пришлось чрезвычайно невежливо покинуть кабинет начальника базы.

Пилот-коммандер поежился и, вздохнув, произнес:

– Шип-коммандер сожрет меня вместе с подтяжками. – Потом лицо его изменилось, он бросил на Берса несколько смущенный взгляд и пробормотал: – Э-э-э, спасибо, курсант.

Тут прорвало и остальных, все столпились вокруг Берса, принялись хлопать его по плечам, бормотать благодарности и нервно смеяться. Берс терпел это где-то полминуты, потом Энтони почувствовал, что тому становится не по себе. Он протолкался к Берсу и выдал фразу:

– Спокойно, парни, если теперь вздумаете совать голову, скажем, под лобовую башню – зовите. – После чего увел Берса под аккомпанемент хохота, в котором, однако, все еще были слышны истерические нотки.

Стал ли причиной этот случай, или он только послужил последней каплей, но на следующий день все трое землян обнаружили свои фамилии в списках обладателей допуска категории «А». Млокен-Стиву и Энтони это показалось удивительным, поскольку они еще не завершили полную тестовую программу, но Берс только пожал плечами и произнес в своей обычной манере довольно загадочную фразу:

– Просто Хан Пустоты решил, что о нашей планете он ничего знать не желает.

Но им некогда было думать, что означает эта его фраза, поскольку до заветной капитанской рубки оставался всего один шаг.

7

– Ну и что теперь? – спросил Млокен-Стив, оглядывая приятелей. Энтони сидел на краю кровати и тихонько перебирал струны банджо, а Берс, как обычно, вывел на экран портативного многофункционального компа какие-то таблицы и невозмутимо их изучал. Подобный комп стоил целое состояние, но после той встречи на Стенвере с букмекером они могли позволить себе достаточно многое. Млокен-Стив вздохнул. Настроение было и хорошим, и не очень. С одной стороны, хотелось домой. Они все уже успели сильно соскучиться по Земле. А с другой... Стоит признаться, что, несмотря на все проблемы, им удалось и здесь неплохо устроиться. Внутри, за забором, они стали чем-то вроде талисмана школы, а снаружи их защищала форма. Каким бы ты ни был ксенофобом, стоит трижды подумать, прежде чем катить бочку на императорский флот. Так что перспектива немедленного возвращения на Землю вызывала странные чувства, тем более что за прошедшие два года они успели достаточно проникнуться той атмосферой ожидания выпуска и получения диплома, которая существует в каждом учебном заведении, но особо чувствуется именно там, где студенты именуется курсантами и носят погоны. Однако главное, из-за чего они прибыли в империю, было сделано. В этой комнате сейчас сидели не просто трое курсантов четвертого курса, на левом плече которых уже красовались нашивки гардемарин, а трое систем-навигаторов, способных проложить маршрут любого корабля – от каботажной баржи до линейного разрушителя в любую точку Вселенной.

Ровно месяц назад они прибыли обратно на Танаку. Весь прошедший год «пустотный» курс утюжил пространство вокруг базы в радиусе почти двенадцати световых лет. По сравнению с представителями других учебных заведений танакийцы, к удивлению многих на базе, отделались достаточно малым числом происшествий. Серьезных было всего три. Один из курсантов во время группового сброса не удержался на глиссаде и врезался в шип-матку, другой вывел многострадальную матку слишком близко от кометного роя одной из реперных систем, а третий при отработке внутриатмосферного пилотажа умудрился задеть склон горы. Однако, благодаря тому, что все учебные корабли были оборудованы усиленными многоступенчатыми гравикомпенсаторами, обошлось без жертв и особых травм. Так что среди семнадцати тел, которые в соответствии с традициями флота после торжественной похоронной церемонии были отправлены из главного шлюза базы в последний путь к центральной звезде, не было ни одного танакийца. Более того, ни один из них не был отчислен. Для того чтобы получить полный допуск общего навигатора, необходимо было научиться доставлять корабль в зону диаметром приблизительно четыре световых часа, расположенную на расстоянии от пяти до десяти световых часов от центральной звезды системы-цели. Допуск систем-навигатора уже требовал умения выйти в назначенную зону, расположенную над плоскостью эклиптики системы-цели и ограниченную радиусом в сорок световых минут, а те искусники, кто мог вывести указанный корабль в точку, ограниченную всего одной-двумя световыми секундами, причем вернуть его в обычное пространство по заданному вектору и с заданной скоростью, с законной гордостью носили на левом рукаве шеврон шип-контролера. Так вот среди курсантов третьего курса Танакийской его императорского величества высшей школы пилотов зачеты по межзвездной навигации сдали все, сорок процентов курса получили допуски системных навигаторов, а результаты тестовых прыжков Берса позволяли ему претендовать на шеврон шип-контролера. Это произвело среди инструкторов базы некоторую панику. Шип-контролеров во всем флоте насчитывалось всего несколько сотен, причем все они получили это звание после нескольких десятков лет пилотирования, а тут никому не известный курсант, да еще варвар, выдает подобный результат! Это ли не повод для шока! Хотя и не для всех. Танакийцы уже успели привыкнуть к тому, что этот странный, нескладный варвар регулярно производит сенсации, но на базе это было в диковинку. В общем, Берс получил допуск только систем-навигатора.

тора. Но он и не думал претендовать на большее. Вообще-то еще за два месяца до зачетных полетов он поразмыслил над тем, чтобы специально запороть пару-тройку полетов, дабы не привлекать лишнего внимания, но потом пришел к выводу, что этого делать не стоит. На этот раз шум был как раз к месту, поскольку, по его расчетам, на этом фоне должен был не просто затеряться, а быть тщательно укрыт факт того, что остальные двое землян также вошли в лучшую десятку пилотов-навигаторов базы. По-видимому, так и произошло. Во всяком случае, когда подошел день объявления рейтингов, командование базы было озабочено больше не анализом состава лучших выпускников, а тем, чтобы танакийцы не подняли бучу. Поскольку по формальным признакам и статусу звание шип-контролера не было обставлено никакими дополнительными требованиями типа минимального стажа и налета (никому и в голову не могло прийти, что подобный результат может выдать малоопытный навигатор и уж тем более курсант), для его получения требовалось иметь только три зафиксированных результата зачетных полетов, совершенных подряд, и Берс имел законное право претендовать на это звание. Больше всего возмущался старина Сампей. Он совсем было вознамерился ринуться восстанавливать справедливость, но Берс достаточно быстро убедил его этого не делать.

После прибытия на Танаку курс был распущен на каникулы. Трое друзей неделю проторчали на планете, по очереди навестив приятелей там, где жили Млокен-Стив и Энтони с Берсом, а потом купили билеты на пассажирский корабль, идущий на Таварр. Именно там располагалось единственное в пределах империи представительство Земли. Правда, неофициальное. Таварр был еще молодой колонией и имел много свободной территории, а также расчетливо слабую службу натурализации, позволявшую приезжим на Таварр достаточно свободно приобретать собственность и вкладывать деньги, чем и воспользовались земляне. К тому же губернатор Таварра оказался страстным охотником, но единственный вид охоты, который был ему доступен до появления землян на планете, – это охота с глидеров на антилоп. Купив для начала два десятка акров пустоши и осмотревшись пару месяцев, представитель землян Алуken-Соломон Кан тут же уловил, на чем можно поймать бескрайнюю благодарность губернатора, и предложил ему нечто невиданное. Правда, для этого ему пришлось купить несколько тысяч акров земли в предгорьях и организовать на этих пустошах целый комплекс, напоминающий знаменитые охотничьи выезды русских царей. Русские псовые борзые, охотничьи гепарды, соколы были привезены с Земли и выдрессированы под руководством опытных биокорректоров. После первой же охоты губернатор выпал в осадок и буквально сел на иглу, демонстрируя все признаки наркотической зависимости. Результатом этого стало то, что Алуken-Соломон Кан тут же превратился в ближайшего друга губернатора, пользующегося его полным доверием. Остальное было делом техники. А когда личный счет губернатора пополнился изрядным весом редких металлов в обмен на абсолютно, с его точки зрения, пустяковые бумаги, дружеские чувства губернатора к новому приятелю обрели прочность гранита. Тем более что в конечном итоге испрошенный новым другом губернатора запрос на дополнительные вакансии пошел губернатору только на пользу. Департамент колонизации от имени императора выразил высочайшую благосклонность рвению губернатора, с которым тот приобщает к образованию и культуре население пограничных колоний империи.

В порту Таварра троих курсантов встретил сам Алуken-Соломон Кан. Они сообщили ему о прибытии еще с орбиты, так что когда все трое, практически молниеносно закончив с формальностями, покинули простое, бревенчатое здание порта, сохранившееся со времен первых поселенцев, то, выйдя на широкую лужайку перед входом, обнаружили там вместительный боллерт-скотовоз, похожий на грубо обтесанный чурбак. Левый нижний капот его был открыт, и из-под него торчала крепкая задница полномочного представителя Земли, обтянутая грубой материей стандартного рабочего комбинезона. Когда они подошли поближе, Энтони усмехнулся и ехидно произнес:

– Что ж, приятно, когда старые друзья встречают тебя столь добродушным выражением лица.

Задница на мгновение замерла, потом Алуken-Соломон Кан с хрустом разогнул позвоночник и повернул к Энтони свое потное лицо:

– Фу-ты, черт, я думал, что вы появитесь не раньше чем через полчаса. Забыл, что вы у нас теперь крутые флотские парни и вам по фигу всякие колониальные таможи. – Он покачал головой, растянул губы в ироничной усмешке и, утерев руки грязноватой тряпкой, протянул мощную длань Энтони: – Приветствую высоких гостей.

Трое друзей с улыбкой переглянулись. Представитель Земли основательно пожал протянутые руки и кивнул в сторону боллерта:

– Загружайтесь. Это, конечно, не тот шик, к которому вы привыкли в метрополии, но... Чем богаты.

– Шик... Видел бы он десантный бот, – добродушно пробормотал Млокен-Стив.

До поместья, которое, собственно, и являлось резиденцией представительства Земли, было около двадцати минут лету. Этот участок Алуken-Соломон Кан купил через подставных лиц около года назад. Он располагался в уютной долине меж двух горных отрогов, и один из склонов горы, укрытый густым реликтовым лесом, был источен пещерами. Представителю Земли оставалось оборудовать пещеры и устроить в гуще леса несколько бревенчатых хижин, и поместье превратилось в уголок Земли, в котором земляне, выросшие в столь похожих на эти пещеры куклосах или в лесной глухомани, очень напоминающей этот лес, чувствовали себя как дома.

В поместье оказалось неожиданно много народу. Здесь околачивался практически весь первый пул посланцев Земли, к которому принадлежали и трое гардемарин, а также солидная часть второго и третьего. Когда ребята выбрались из сильно «ароматизированных» внутренних боллерта, их невольно оглушил многоголосый гул множества людей, собравшихся встретить их. Млокен-Стив присвистнул и повернулся к Алукену:

– Может, я чего не знаю? Мы что, собираемся оккупировать Таварр?

Представитель Земли хохотнул:

– Вот что значит военный. Тасмелон-Авраам Линкольн, увидя такое столпотворение, предположил, что мы собрались строить тоннель через гору. – Он кивнул. – Ладно, слуг здесь нет, вы где хотите расположиться – в лесу или?.. – он кивнул в сторону горного склона, опоясанного вереницей террас, связанных между собой узкими крутыми лесенками либо просто тропинками. Как и любой выходец из куклосов, он на людях избегал называть вслух место своего обитания.

Энтони понимающе усмехнулся и, окинув взглядом Берса и Стива, ответил за всех:

– Да где устроишь.

– Ну тогда вон высокую террасу на краю второго яруса видите? Вот туда и идите.

Обед и остаток дня прошли шумно. Несмотря на то что большинство обитателей поместья за прошедший месяц успело немного привыкнуть к регулярному появлению новых лиц, никто не хотел упускать момента пообщаться в столь большой компании земляков.

Вечером Энтони вышел на дальнюю террасу. Багровый Энторан – солнце Таварра, готовясь на ночь укрыться за горизонтом, величественно умащивал свой зад в громады иссиня-черных облаков, клубящихся над дальними отрогами гор, и от этого вида веяло чем-то древним, первобытным и прекрасным, и очень напоминало Землю. Энтони привалился к косяку и замер. Пару минут он наслаждался видом в полной тишине, но потом из темного угла послышался негромкий насмешливый голос:

– Любуешься?

Энтони обернулся. В углу у самых перил приткнулось плетеное кресло, над спинкой которого поблескивала бритая голова представителя Земли. Энтони подошел поближе, ногой при-

двинул стоящую рядом скамейку и сел. Некоторое время они молчали, потом Энтони негромко спросил:

– То, что здесь так много народу, означает то, что я думаю?

Алукен-Соломон Кан пожал плечами:

– Приказа об эвакуации не было.

– Тогда почему?

Представитель Земли хмыкнул:

– Так... За последний год вокруг наших ребят отирается слишком много разного народу. Да и в канцелярии губернатора побывало несколько мелких чиновников из столицы, немного отличавшихся от тех, к которым здесь привыкли. Например, выправкой и отсутствием брюха.

Энтони кивнул:

– Я гляжу – у тебя разведка поставлена что надо.

Представитель Земли вздохнул и махнул лопатообразной ладонью:

– Да где там! Несмотря на то, чем набита моя голова, я по-прежнему всего лишь старый траппер из лесного куклоса на северо-востоке того, что снова стало называться Канадой. И единственное, что я действительно хорошо умею делать, – это добывать оленину. А все остальное я делаю в пределах моих сил и разума. Так что... – и он развел руками.

Они снова помолчали. Потом Алукен-Соломон Кан негромко произнес:

– Завтра установлю связь с Землей. Надо доложить о том, что вы прибыли, и заодно попрошу разрешения на эвакуацию.

– Но ведь пока не все собрались?

Представитель Земли философски покачал головой:

– Даже если завтра я получу приказ, то, пока Бродяга до нас доберется, большая часть оставшихся успеет прибыть, а если нет... – И он снова развел руками, потом замолчал на пару минут, вздохнул и тихо добавил: – Чует мое сердце – еще год-другой, и здесь такое начнется... Незачем нам в это влезать, у нас и своих хлопот полон рот.

Энтони кивнул, и они снова замолчали. Когда Энтони уже поднялся, чтобы идти назад, Алукен повернул голову в его сторону:

– Своим пока ничего не говори, старина. Мало ли?

Энтони усмехнулся:

– Не буду, хотя это и бесполезно. Одному глубоко по фигу, а второй и так знает.

Представитель Земли растянул губы в улыбке:

– Ах да, я и забыл, на что он способен. – Он помолчал. – А как молодой?

Энтони добродушно кивнул:

– Ничего, тянется, правда, я никак не могу понять, как можно было до сих пор ни о чем не догадаться.

Алукен пожал плечами:

– Ну, в куклосах всех берсерков кличут Берсами, да и посуди сам, что общего может иметь сосед по комнате, в свою очередь драющий полы грязной тряпкой, с... – и он сделал выразительный жест руками. Они понимающе переглянулись, потом Алукен продолжил: – Да и вообще странные вы все-таки, «дикие». На первый взгляд вроде ничего, а копнешь, так только святых поминай. Каждый со своим вывертом. Где уж тут вас понять.

Они проторчали на Таварре почти две недели. Приказ об эвакуации так и не пришел. Когда Алукен-Соломон Кан привез их в порт, то, улучив момент, он отвел в сторону Энтони и, пожевав губами, заговорил:

– Ты там это, все-таки будь наготове. Уж не знаю, что там и как, – он мотнул головой вверх в небо, – но я думаю, адмирал Навуходоносор заберет нас очень скоро. Он всегда прислушивался к тому, что я говорю. Так что... – Он оборвал себя и вздохнул: – Если бы не ваши

погоны, я бы вас не отпустил. А так... Не хватало еще, чтобы на Таварр прибыл военный коронер с приказом о вашем аресте за дезертирство.

До Танаки добрались без приключений. Один раз какой-то подвыпивший тип начал в баре слишком громко разглагольствовать по поводу того, что разные варвары чувствуют себя в империи слишком вольготно, даже умудряются пролезть в имперский флот, а их надо гнать поганой метлой. Энтони принял это на свой счет, поскольку Млокен-Стив и Берс почти ничем не отличались от обычных простолюдинов, а его всегда выдавала черная кожа, и успокоил того типа одновременным хлопком ладонями по ушам. Так что путешествие назад было даже несколько скучноватым.

Когда они прибыли в школу, Энтони в первый же вечер сбегал на коммерческий узел связи и связался с Таварром. Когда Алуken-Соломон Кан появился на экране, то тут же начал с места в карьер:

– Я уж прикидывал, как до вас добраться. Приказ пришел.

Энтони понимающе кивнул:

– Эвакуация?

– Ну да. Правда, начинать велено с последнего пула. Ну да с ними мы быстро управимся. А по поводу вас пока туман. Какой-то умник из Совета Защиты посчитал, что стоит рискнуть и дать вам возможность получить дипломы. Мол, потом, когда установим с империей официальные отношения, это окупится. Но по мне, так пусть эта империя живет сама по себе, а мы сами по себе. Так что будьте готовы.

Вечером Энтони объявил о новостях. Берс, как и ожидалось, воспринял сообщение спокойно, но Млокен-Стив неожиданно приуныл. Некоторое время он сумрачно сидел на кровати, молча глядя в окно, а потом начал всех доставать.

– Ну так как? – снова спросил Млокен-Стив. – Пора собираться?

Берс оторвал глаза от экрана компа и поднял взгляд на Стива:

– Остынь.

Энтони взял резкий аккорд и, усмехнувшись, отложил банджо.

– Ты уже достал. Ну что ты мучаешься? Кто его знает, как оно в конце концов повернется? Недаром эвакуацию начали с последнего пула. Уж если считают, что нам необходимо получить дипломы, вполне вероятно, что мы их получим. А значит, впереди еще год, и ты успеешь еще не раз покрыть всех своих курочек, а нет... – Энтони пожал плечами.

Млокен-Стив вздохнул, а потом обиженно произнес:

– Да плевать мне на все. Я просто хочу напоследок надрать задницу академии. Недаром ребята все то время, пока мы болтались в пустоте, зубами держались в чемпионате. Теперь у нас есть все шансы утереть нос всей империи, вместе взятой.

Энтони только успел открыть рот, как его прервал спокойный голос Берса:

– Успокойся, у тебя будет возможность реализовать этот шанс.

Энтони и Млокен-Стив удивленно уставились на него, но Берс в своей обычной манере уже уткнулся обратно в экран. Энтони и Млокен-Стив переглянулись. По всему выходило, что, несмотря на то что было известно о берсерках до сих пор, Берс научился предчувствовать что-то такое, что не было связано со схваткой, но, поскольку требовать объяснений, как обычно, было абсолютно бесполезно, оба просто приняли его слова как факт и успокоились.

На следующий день после обеда их забрал старина Сампей. В игровом зале была собрана вся команда. Коммандер-капитан построил их в одну шеренгу, прошелся вдоль строя, свирепо тараща глаза, но курсанты в ответ смотрели весело. Старина Сампей дошел до конца шеренги, резко развернулся и, не выдержав, усмехнулся:

– Ну что, дерьмо, надерем задницу академии?

– Лэр, да, лэр, – рявкнул строй.

Так для Млокен-Стива, Энтони и Берса начался их последний курс.

8

Млокен-Стив первым взлетел по короткой лестнице, проскользнул сквозь высокую арку, стилизованную под классический портик, выскочил на центральную площадку смотрового холла и, ахнув, замер на месте. Энтони, который успел покинуть роскошную кабину гравифлифта только вторым, чуть не налетел на него.

– Фу-ты, Стив, нашел место превращаться в соляной столп.

Млокен-Стив обернул к Энтони восторженное лицо:

– Ты только посмотри!

Энтони повернулся к огромному, во всю стену, иллюминатору, впрочем, это вполне мог быть имитирующий иллюминатор экран. На лайнерах класса «Премиум» иллюзии и реальность причудливо переплетались и создавали непередаваемую атмосферу роскоши и комфорта. Перед глазами друзей раскинулась величественная панорама столичной планеты. Это действительно выглядело впечатляюще. Планета висела в пространстве, окутанная мириадами ярких блесков. На различных орбитах висели миллионы объектов постоянной орбиты. Они заполняли пространство так густо, что конфигурация ближайших из них была ясно видна невооруженным глазом. И это при том, что, как правило, посадочные коридоры межзвездных лайнеров проходили через наименее загруженные участки пространства. Можно было представить, что творится в зонах с менее интенсивным движением. Энтони восхищенно присвистнул:

– Да тут настоящее столпотворение! Немудрено, что они не разрешили нам прибыть на собственной лоханке.

– Дело не только в этом, – раздался из-за спины голос Берса.

– А в чем еще? – машинально спросил Млокен-Стив, хотя в этот момент его больше занимало то, что открылось его глазам.

– В нас.

Млокен-Стив и Энтони не сразу поняли смысл сказанного, но спустя несколько мгновений до них дошло, что он имел в виду не танакийцев, вернее не всех танакийцев, и они оба резко повернулись к нему:

– Что это значит?

– Что ты хочешь этим сказать?

Их голоса прозвучали в унисон, и от этого оба запнулись. Но Берс по своей обычной привычке усмехнулся и, повернувшись спиной к огромному иллюминатору, неторопливо двинулся в сторону лестницы, ведущей к гравифлифту. Ребята еще некоторое время потолкались на палубе, но странное заявление Берса не выходило из головы, к тому же иллюминатор начал мутнеть, затягиваясь предохранительной мембраной перед входом в атмосферу, делать в смотровом холле стало нечего, и они вернулись в каюту.

Посадка прошла практически незаметно. Только их солидный опыт полетов в гораздо менее комфортных условиях помог почувствовать легкую и практически незаметную дрожь, возникшую в тот момент, когда отключились установки собственной гравитации корабля и тот слегка осел под действием вертикального планетарного гравитационного поля. Так они прибыли в столицу.

У трапа их встретил командер-капитан в сопровождении двух лощенных гардемаринов. Потом был роскошный многоместный боллерт с сиденьями, обитыми не вечной флотской пластикой, а настоящей материей, гигантское столпотворение в небесах над столицей, занимавшей площадь почти в семьсот квадратных миль, и огромное пространство девственного леса на ее окраине.

На протяжении восьми предыдущих месяцев танакийцы выигрывали одну схватку за другой. Когда они в очередной раз оказались на Стенвере, на них попытался выйти старый знако-

мый, но на этот раз безрезультатно. Ребята не дали стенверцам ни одного шанса. И вот наконец сегодня они прибыли в столицу для участия в финале чемпионата флота.

Вечером, когда вся троица сидела в своей комнате, дверь которой была деревянной, потому что этого требовали традиции, а не потому, что ее когда-то сделали такой и она до сих пор не успела развалиться, в их каюту ввалился командер-капитан Сампей. Старина Сампей был, как обычно, слегка пьян, слегка раздражен и, что было не совсем обычно, чувствовал себя немного не в своей тарелке. Окинув взглядом вытянувшихся гардемарин, он несколько мгновений сумрачно молчал, потом ткнул пальцем в Берса и приказал:

– Ты, иди за мной.

Берс вернулся спустя полчаса. Поймав вопросительные взгляды Энтони и Стива, он пожал плечами и коротко пояснил:

– Старина Сампей волнуется. – После чего невозмутимо отвернулся и начал разбирать постель. Млокен-Стив вскинулся было, но, поймав насмешливый взгляд Энтони, скривился и тоже начал устраиваться на ночь. Берс сказал то, что хотел, и больше все равно из него не вытянешь.

Следующая неделя была адаптационной. Танакийцы до обеда тренировались в одном из игровых залов академии, а потом сначала опасливо, но с каждым днем все смелее и смелее погружались в столичное озеро удовольствий. Эхо их невероятных успехов разошлось, как круги по воде, и во многих салонах средней руки воспылали желанием заполучить на вечер хотя бы одного из столь необыкновенной команды. Впрочем, землянам это не грозило. Варваров могли допустить в салон только в качестве экзотической диковинки, а для всех остальных ролей пока хватало танакийцев из числа граждан империи. Так что Млокен-Стив и, судя по его рассказам, Энтони просто наслаждались жизнью на полную катушку. Тем более что у каждого из них еще оставался достаточный кусок из тех денег, что Берс выжал с букмекера на Стенвере два года тому назад. Впрочем, круг их развлечений не особо отличался от того, к которому они привыкли на Танаке. Разве что в столице они практически не смогли найти кислого пива, пережаренного мяса и дешевых проституток. В конце концов им это надоело, и Млокен-Стив без особой надежды на поддержку предложил попробовать нечто необычное – проникнуть в резиденцию императора. К его удивлению, первым на это предложение откликнулся до сих пор остававшийся вне круга их интересов Берс. Он оторвался от экрана компа, несколько мгновений задумчиво рассматривал Стива и, когда тот уже был готов признаться, что ляпнул это просто так, пружинисто поднялся на ноги.

– Пошли.

– Куда? – оторопел Млокен-Стив, но Берс уже направился к двери. Энтони проводил его ошарашенным взглядом, потом повернулся к Стиву, открыл рот, собираясь что-то сказать, но только махнул рукой и устремился вслед за Берсом.

К внешней ограде императорской резиденции, носившей название Сады Эоны, они подъехали на общественном боллере с автопилотом. Вежливый женский голос управляющей программой сообщил им, что приближение к резиденции императора ближе двухсот ярдов, как и приближение к этой границе на высоте выше шести ярдов, запрещено. Берс молча пожал плечами и, переключив боллерт на ручное управление, отвел его к указанной границе и опустил на траву. Они выбрались наружу. Млокен-Стив поежился, чувствуя себя одновременно преступником, героем и идиотом, и покосился на Берса. Вот уж от кого не ожидал приверженности к авантюрам. Но тот уже был далеко, быстро двигаясь вперед к ажурной кованой ограде.

Как это ни удивительно, но ограда оказалась абсолютно нейтральной. Ни тебе отсекающего поля, ни пульсирующего силового ограждения – вещевого склад у них в школе охранялся намного лучше. Энтони и Стив, озираясь, перебрались через решетку и замерли, оглядываясь по сторонам. Берс проскочил вглубь ярдов на сто и остановился у края большой поляны, что-то

рассматривая в траве, а может, принюхиваясь. Что он там делал, понять было сложно. Энтони нервно огляделся и, кивнув Стиву, двинулся к Берсу.

– Что, черт возьми, ты тут делаешь? – нервно прошипел Млокен-Стив, когда они подошли вплотную.

Берс сидел на траве в какой-то отрешенно-задумчивой позе. Услышав вопрос, он поднял глаза и, странно посмотрев на Стива, пожал плечами:

– Уже ничего.

Энтони поджал губы, собираясь сказать что-то резкое, но сдержался и только процедил:

– Ладно, побаловались, и хватит. Пора уходить. Пока нас не засекали.

Берс кивнул и, поднявшись на ноги, бросил взгляд влево:

– Поздно. Засекли.

Энтони и Стив резко обернулись. На краю поляны стоял полицейский боллерт, от которого величественно двигался детина ростом более шести футов, одетый в мундир столичной полиции. Энтони вполголоса выругался, а Млокен-Стив стиснул зубы. Ну влипли, тут, пожалуй, пахнет не меньше чем исключением. Полицейский приближался неотвратно, как айсберг. Энтони отчаянно оглянулся по сторонам, но до ближайшей опушки было шагов сорок. Можно было бы попытаться спастись бегством, вряд ли человек со столь внушительной фигурой мог быть достойным соперником, но представить троих гардемарин флота, удирающих от полицейского... Тем более глупо было предполагать, что они смогут спрятаться от полиции, убегая в глубь резиденции императора. Полицейский остановился перед ними. Окинув их высокомерно-благожелательным взглядом, он усмехнулся и изрек:

– Лэры гардемарины, я могу вам чем-нибудь помочь?

Энтони слегка оторопел, а Млокен-Стив изумленно пробормотал:

– Вежливый коп! Мать моя женщина!

Единственный, кто воспринял это как должное, был Берс. Он сделал шаг вперед и заговорил так же высокомерно-вежливо:

– Просим прощения за беспокойство, лэр офицер. Мы с друзьями впервые в столице и, похоже, забрели не совсем туда, куда можно.

Полицейский усмехнулся:

– Это так, лэр гардемарин. – Он сделал паузу и, полуобернувшись в сторону просеки, указал рукой: – Разрешите проводить вас к выходу. При всем моем к вам уважении, вы еще не в столь высоких чинах, чтобы находиться внутри этой ограды.

Как ни странно, эта авантюра обошлась без последствий. А на другие времена уже не было. До финала оставалась одна ночь.

Они прибыли в императорский манеж за час до игры. Когда танакийцы спустились в раздевалку, Млокен-Стив обернулся к Берсу и прошептал:

– Черт возьми, я чувствую себя так, как будто первый раз собираюсь лечь с девчонкой.

Но Берс никак не отреагировал на его слова. Стив несколько мгновений разглядывал его обострившиеся черты, а потом усмехнулся. Берса, судя по всему, изрядно проняло. Пока танакийцы переодевались, раздевалка была заполнена приглушенным гулом голосов, но чем ближе было начало матча, тем сильнее чувствовалось заполнявшее раздевалку напряжение. Даже старина Сампей, от которого в этот день, как обычно, изрядно разило ромом, и тот почти не ругался.

За полчаса до начала их вывели попробовать покрытие. На противоположной стороне поля с показной небрежностью старожилы разминались «академики». Они лениво перебрасывали мяч и картинно делали растяжку, свысока поглядывая на смущенно сгрудившихся у своих колец танакийцев. Еще бы, за все время существования флотского чемпионата академия становилась чемпионом едва ли не больше чем все остальные команды, вместе взятые. И до

этого финала они дошли легко, намного легче, чем танакийцы, имея лучшую разницу забитых и пропущенных мячей, хотя некоторые болельщики считали, что основные соперники были как раз в подгруппе танакийцев. Млокен-Стив сделал несколько пробежек, побросал мяч, привыкая к отскоку, но по большей части просто крутил головой. Конечно, не было в империи такого человека, которому не был бы знаком этот роскошный зал, ибо в Большом императорском манеже проходили финалы самых престижных соревнований и масса иных торжеств, но увидеть его вот так, не сверху, где были установлены блоки голокамер, транслирующие происходящее на все планеты империи, а с покрытия игрового поля, это было что-то... В этот момент Млокен-Стив врезался во что-то очень твердое и, чертыхнувшись, шмякнулся на ковер. То, на что он наткнулся, оказалось Берсом. Он стоял как статуя и смотрел на роскошную ложу под самым потолком, укрытую серовато-голубой мембраной. Похоже, он так и не заметил, что на него кто-то налетел. Млокен-Стив вскочил на ноги и ткнул его в бок:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.